
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

Диана неторопливо катит перед собой по дороге коляску. Короткие темные волосы теряются на фоне сосен, светлое лицо с горячим взглядом карих глаз совершенно непроницаемо. Она, как Сфинкс, думает Яна. Странное чувство вызывает она. От нее исходят волны непредсказуемости, и в то же время чувствуется сила и уверенность во всем, что она делает. Яне хочется сказать Диане, что надо искать укрытие, уже несколько капель упали на ее приоткрытые ветром колени. Ветер закачал вершины деревьев, вдоль стволов посыпалась древесная шелуха. Солнечный свет погас, словно его выключили на огромной сцене, стало сумрачно и зябко от прохлады.

— Дианка, Дианка, вот мы и попали,— взволнованно произнесла Яна и вдруг услышала шум мотора и увидела, как впереди, у развилки дорог, остановился синий автобус.

Дианка быстро покатила коляску к нему и с тротуара, который был вровень со ступенькой, вкатила Яну в салон автобуса. Шипение закрывающихся дверей перекрыл оглушительный раскат грома и тут же бешеные потоки обрушились на стекла и крышу. Яне показалось, что это не дождь, а огромная морская волна накрыла, и нет конца падающему на них потоку.

— Янка... Давай я тебя закреплю тут у окна, а сама смогу сидеть рядом.

— Диана, но мы же так можем очень далеко заехать!

— Посиди, я сейчас приду.

Диана встала и пошла по проходу к кабине водителя.

* Продолжение. Начало в № 4, 2018 «ПЗ».

Яна смотрит в окно на ливень, на редких, бегущих под цветастыми зонтами людей и не может опомниться, до того все быстро и неожиданно произошло.

Она почувствовала, как Диана бухнулась в кресло возле нее. Глаза ее сияют, губы улыбаются.

— Янка, тебе повезло! Ты знаешь, куда мы едем?

— Диана... Куда?..

— На край света.

— Не далековато ли?

— Янка, ты же сама говорила, что в твоей жизни все было так предсказуемо и размерено, вот, я и подумала, а не окунуться ли нам в жизнь, полную непредсказуемых и захватывающих приключений.

— Ты сумасшедшая! — нервно рассмеялась Яна.— Ты хоть... немного пожалей меня.

— С тобой будет полный порядок.

— Так... Ты что, знала про этот автобус? Он что-то подозрительно вовремя подкатил.

— Знала. Я на этом автобусе сто раз моталась... В общем, потом сама увидишь, куда.

— Конец света... Ну, ладно, будь по твоему.

Яна смотрит на Дианку, покачивает головой, и не может сдержать улыбку.

— Но ведь Женя и Ник думают, что мы дома,— говорит она.

— Ник меня хорошо знает. Уверена, что он так не думает.

Диана достает из сумочки телефон, набирает номер и подмигивает Яне.

— Ник, это я... Ага... Мы тут с Янкой в автобусе,— довольно улыбаясь, говорит она в трубку.— Нет, как у вас дела? Поймали что-нибудь?

Наклонившись к Яне, шепнула на ухо:

— Ник сразу почувал что-то. Он меня знает,— и снова в трубку: — Ник, мы тут подумали, что нам дома сидеть в такую погоду? А у вас что, дождь? Ха! У нас тут солнце вовсю. Очень Янке захотелось Латвию посмотреть, так что мы едем туда, где я люблю бывать. Полный порядок. Веселимся вовсю! Ой, Ник, жаль, вас с Женькой нету с нами. Было бы еще веселее. Да... Но вы там осторожнее. И не купайся... Слышишь? Змей там нет, на этом берегу? Будь осторожен!.. Давай... И звоните нам тоже.

Диана отключила телефон и довольно откинулась на спинку.

— У Женьки там клюет во всю. Потом они еще позвонят... Ну, как ты? Не проголодалась еще? Мы, когда приедем, перекусим. Дотерпишь?..

— Хорошо,— Яна взяла Диану за руку и крепко ее пожала.

— Мы все время сейчас будем ехать вдоль моря. Оно будет справа за деревьями. Иногда мы будем подъезжать к нему совсем близко. Смотри, впереди, бывший рыбацкий поселок.

У края дороги показались домики, море синее прямо за деревьями. На небольшой площади, возле крытых соломенными крышами рыночных рядов, стоит с десяток машин. Дождь кончился, и солнце снова светит в чистом голубом небе (как быстро тут все меняется,— думала Яна,— да, Диана просто порождение этих мест), с трудом верилось, что только что была гроза, и было прохладно. Солнце жарко припекает руку Яны через стекло.

— Смотри, Яна, здесь с древнейших времен сохранился рыбный базарчик. Как-нибудь приедем сюда все вместе. Тут продают морскую копченую рыбу. Вкуснятина!.. Тут тебе и засоленный лосось, и камбала, а какие морские окуни, а есть еще копченая рыба *lucis*. Она похожа на угря, только поменьше. А еще...

— Диана, у меня уже аппетит разыгрался.

— Янка, а какие там угри! Берешь кусок угря, а жир аж по локтям течет!..

— Дианка, прекрати, а то у меня будет голодный обморок.

— А... А говоришь, что не голодная. Ничего, скоро... Там... мы тоже рыбу купим. Устроим пикник на свежем воздухе. Смотри, какая красота!

Домики поселка остались позади, теперь автобус, увеличив скорость, несся среди полей. Вдали, на горизонте, голубели полосы далеких лесов. Иногда, среди полей, под купой высоких деревьев, виднелись постройки хуторов. Автобус пронесся мимо стада коров, маленькие мальчик и девочка стоят у края дороги с велосипедами, щурясь от солнца. Мальчик что-то говорит девочке, а она, наклонившись вперед, откусывает от скибки арбуза, которую он держит в руках.

— Яна, вот, смотри,— придвинулась к ней Диана.— Взгляни на коров. Ничего странного не замечаешь?

Яна посмотрела на поле, по которому, гонимые ветром, ходят зеленые волны трав, взглянула на коров, щиплющих траву, на цепочку белых облаков над горизонтом...

— Странного? Да, вроде, нет.

— Видишь, Яна. Люди умничают, философствуют, решают судьбы человечества и при этом, не могут понять простых коров. Посмотри, все коровы, что щиплют траву, стоят, повернувшись головой к востоку. Все, без исключения, повернуты в одну сторону. Никто не знает, почему они это делают. И так по всему миру! А!.. Коров человек понять не может, а умничает, философствует... Разве не смешно.

— Никогда не обращала на это внимания. И вправду, в одну сторону.

— Или лесные поляны. Стоит лес, густой, непролазный, и вдруг в нем — поляна. Ничего, кроме травы, на ней не растет. У нас за домом в лесу видела такую поляну? Что с этими местами такое? Почему на них не растет ни одно дерево?

— Погуглить не пробовала?

— Гуглила. Набила — «причина возникновения лесных полян». И высыпало — «причина возникновения лесных пожаров». То-то и оно!..

Автобус пересек мост через небольшую реку, внизу, среди ивовых деревьев, показалась живописная водяная мельница.

— Ух, ты! И колесо крутится. Вот бы тут порисовать! — восхищенно воскликнула Яна.

— Тут можно в любую сторону рисовать.

— Да и писать тоже. Куда ни посмотри — тема для книги.

— Думаешь, обо всем можно написать? — спросила Дианка.

— В мире нет ничего, что не было бы темой для рассказа, повести или романа.

— По-твоему, обо всем, что мы видим, можно написать историю?

— Да, — ответила Янка.

— И ты, видя все вокруг, знаешь, что об этом можно написать?

— Я просто не думаю об этом. Я бы сошла с ума, если бы видела во всем скрытые идеи. Видишь ли, мы окружены вещами, но все они подобны ларцам, которые надо уметь раскрыть. Иногда это приходит как озарение, а иногда надо все же немного подумать... В Библии тоже проходит эта мысль, что мир, это книга. Ее можно читать. Все, что мы видим, все, что происходит — это символы, которые что-то значат. Все имеет свой смысл. Но я, с некоторых пор, полюбила просто вот этот видимый нами мир и его красоту. Просто в красоте есть тоже свой смысл, но он недоступен никаким объяснениям. Мне стало интересно невыразимое.

— Я понимаю, но про сюжеты... Ты меня заинтересовала. Давай я тебе покажу что-нибудь, а ты скажешь, какую историю видишь в этом.

— Давай, если хочешь.

— Хорошо, я выберу сейчас что-нибудь потруднее.

— Выбери,— чуть улыбнулась Яна.

— Смотри, мы притормаживаем. Все, что сейчас увидим за окном, это и будет тема. Давай, пока красный свет. Видишь, что-нибудь интересное?

— Так, мужчина идет по дороге. Впереди него женщина... Как думаешь, на вид ей лет шестьдесят. Чуть прихрамывает. Одежда у нее простенькая. Сумку несет с трудом... Тяжелая сумка. Босоножки старенькие, разбитые. А вон, девушка идет им навстречу. Как сказал бы Женя — хороша штучка! И так, что же у нас получилось? Неброская женщина, от которой так и веет усталостью от жизни, мужчина и девушка... Мне кажется, это интересная история.

— Ты видишь историю?

— Да. Эта история может называться «Дорога». И так... Идет по дороге мужчина, и видит впереди себя женщину. Люди смотрят друг на друга оценивающе, и он тоже не может не заметить и ее невзрачность, усталость, и эти сбитые босоножки. Для мужчин внешность много значит. Да еще на фоне вон той девушки.

— И что же дальше?

— А дальше... Молоденькая проходит мимо них, женщина входит в одну из калиток и идет к дому, в котором живет. А мужчина продолжает идти по дороге теперь уже один. И тут, вдруг...

— Да, я чувствую, что пора чему-то произойти,— придвинулась к ней Диана.— И вдруг...

— Внешне ничего не произошло. Если бы кто-то увидел этого человека, идущего по дороге, он бы и не догадался, что что-то случилось. Продолжая идти по пустынной дороге, он вдруг подумал: а ведь, когда ему было лет семь-восемь, эта женщина была такой же молодой, как та девушка, что прошла сейчас мимо него. И он, наверняка, встречал ее тогда, но только не обращал внимания. Несомненно, иногда они оказывались очень близко. Он же целыми днями носился по этим дорогам на велосипеде, и каждый раз проезжал мимо этого дома. И тут он вспомнил те дни, своих друзей и их летние игры на полянах. Да, поляна... Перед домом, куда зашла женщина, сразу через дорогу, стоит большой дом, но раньше на этом месте была поляна. На ней они тоже часто играли в футбол. Да, он хорошо помнит поляну. И даже, кажется, он припоминает и дом. И мужчина, продолжая идти по дороге, стал вглядываться в ту даль, в которой нет ни пространства, ни времени. Все то, о чем он вспоминал, было очень близко, но подернуто дымкой, как бывает в туманный день, и нужно усилие, чтобы вглядеться в детали. Но именно детали ему сейчас и хотелось припомнить. И он ясно увидел тот летний вечер. Уже темнеет, сонно стрекочут цикады, носятся над поляной летучие мыши и зажигаются огни в окнах домов. Играть уже трудно, мяча не видно, но уходить не хочется. Сейчас самое чудное время, когда в темноте, каждый звук, каждая проступающая в небе звезда, порыв ветра, приносящий волнующие ароматы из леса, все это создает то, что называется — ночью. Ночь для него, это не просто тьма, а далекий шум поезда во тьме, шелест листвы во тьме, чей-то тихий разговор... На дороге он видит парней постарше. Один из них перебирает струны гитары, а другие кого-то зовут, стоя у забора перед домом. И тут на большой балкон вышла девушка. Лица ее в сумерках он не мог разглядеть, но ясно помнит, как она вышла и остановилась, опершись руками о перила. Кажется, она улыбалась. И волосы были у нее темные, а платье светлое. Парни звали ее гулять, но она ничего не отвечала им, и только отрицательно покачивала головой. Светлое платье, балкон, приближающаяся ночь, звон цикад, звезды в темнеющем небе. Она казалась волнующе прекрасной в сгущающихся сумерках. Пойдет или не пойдет она с ними? Было в ожидании этого что-то волнующее, но что — он в те годы еще не понимал, хоть и чувствовал что-то щекочущее в груди. Пойдет она с ними или нет? Очень хотелось это узнать.

Но он так этого и не узнал. Надо было идти домой. И он ушел по той же самой дороге, что идет сейчас. И тут он снова подумал о той женщине, что шла сейчас перед ним по дороге. Поблекшая, чуть прихрамывающая. С плечами, поникшими от усталости. Он продолжал идти по дороге и вдруг подумал о безжалостном времени, что пронеслось сквозь его жизнь. А может, жизнь его пронеслась сквозь время... И еще он подумал, что он ведь и сейчас не разглядел ее лица. Он оглянулся, но дорога была пустынной. Все прошло...

Какое-то время они ехали молча, Яна ничего не говорила, смотрела в окно, но Диана, глядя на ее лицо, чувствовала, что за окном она сейчас ничего не видит.

— Грустная история,— сказала Диана.

— Ну, это всего лишь одна из историй. Поверь, на самом деле их очень много.

— Но выбрала ты именно эту.

— Первое, что пришло в голову.

— Здорово! Можно я напишу этот рассказ?

— Конечно! Зачем ты спрашиваешь. Все мои идеи — твои.

— Слушай, но почему ты бросила писать? Папа в восторге от твоих текстов.

— Потянуло к тому, что нельзя выразить словами. Только красками и линиями. Может, когда-нибудь я снова захочу писать. Мы не знаем, что будет дальше.

— И тогда мы вместе напишем книгу.

— Может быть.

Яна улыбнулась и ехала так некоторое время, с легкой полуулыбкой, слегка покусывая нижнюю губу.

— О чем же такая книга могла бы быть? — задумчиво произнесла Диана.

— Мы могли бы написать книгу о том, как мы пишем книгу о том, как мы пишем книгу.

— Янка, ты гений! — Дианка расхохоталась.

— Все гении. Может быть, это и есть то, последнее, что каждый человек понимает в последнюю минуту своей жизни. Но только... время закончилось.

— Да,— кивнула Диана и посмотрела в окно.— Смотри, какие просторы! Мы сейчас едем по срединной части Латвии — огромные луга, хутора, далекие леса на горизонте. Все совсем не так, как в наших местах, но скоро мы снова повернем к морю.

— Куда же ты, все-таки, везешь меня, Диана?

— Не устала?

— Нет. Это так непривычно, но мне нравится вот так ехать «туда, не знаю, куда и найти там то, не знаю, что».

— Все приключения, Янка, впереди. Хотя, если честно, я и сама не знаю, что будет дальше.

— То есть, финала не видишь?

— Не люблю финалы! Все финалы такие грустные. В нашей с тобой истории финала не будет.

Широкие поля по обеим сторонам дороги. Высокие травы у обочины согнуты ветром. Ветер с моря, а значит, дождя не будет. Яна достала блокнот из сумки и гелиевой ручкой (только гелиевые ручки она любит) стала рисовать облако в небе, пронзенное, словно стрелой, вертикальным, прямым следом самолета. Диана решила сфотографировать рисующую Яну, но, когда достала телефон и включила его, увидела, что Яна на новом листе рисует салон автобуса, уходящий в перспективу, ряды кресел и заполненные легким штрихом силуэты людей на фоне залитых солнечным светом окон.

Диана сделала снимок, посмотрела на него. Снимок удался. Ей удалось снять го-

рящую золотом прядь волос, закрывающую светлое лицо Яны. Диана смотрит на волосы Яны, зачарованная их отливом... Загадочная Яна. Она совсем ничего не рассказывает о себе. А может, и вправду ей нечего особо рассказать.

— А как вы там живете? — спросила Диана.

Яна откинула волосы с лица и посмотрела на нее... Как-то очень строго. Почему у нее бывает такой строгий взгляд. И тут же улыбка, совсем детская. Она вздохнула, задумалась.

— Ничего особо интересного. Жду Женьку, рисую. Хорошо, что он устроил мне работу для журнала. По выходным стараемся выбираться. В Лондоне были несколько раз, но в основном мы там, у нас. В общем-то, там красиво, но... все это временное. Это не дом. Все равно как в зале ожидания. Мне очень нравится тут, у тебя. Может, и вправду когда-нибудь получится жить поближе к тебе. Может, случится, когда-нибудь, такая «утраченная книга», рассказанная своими словами.

Диана повертела телефон в руках и положила в сумочку.

— Я заметила, что в жизни сбывается все, о чем мечтаешь, — сказала она.

— Если только это входит в Божий промысел. Мы же так и молимся — «да будет воля Твоя».

— У меня твоя история все не идет из головы. Ну, та, про мужчину и женщину. Интересно, а как бы она могла называться...

Дианка вздохнула, словно некая чудесная мысль посетила ее.

— Рассказать тебе, Янка, об одном моем способе находить названия? Смотри, сейчас у меня с собой книги нет, так что воспользуемся Интернетом. Давай выберем какую-нибудь из хороших книг... Вот, у меня в закладках книга Маркеса «Любовь во время чумы». Сейчас великий Габриэль Гарсия Маркес название нам и посоветует. Обычно я беру книгу, раскрываю в любом месте, веду, не глядя пальцем по строчкам, останавливаюсь и смотрю, что выпало...

И Диана, прогнала текст романа на экране смартфона, остановила его и прочитала вслух:

— «Вечером того же дня...». Так начинается абзац. Потрясающе! Начало той истории, когда они просто идут по дороге, тоже может происходить вечером и потом он вспоминает поздний вечер из детства. Времени, Янка, нет... Я этого не понимаю, но его нет. И если это так, то название — «Вечером того же дня» становится полным глубочайшего смысла. Разве это не грандиозно!.. Знаешь, я напишу этот рассказ. Считай, что он уже написан.

— Ох, Диана, ты такая забавная! Но я согласна — с Маркесом действительно стоит советоваться.

— Не обязательно с ним. Можно взять любого великого писателя... Янка, видишь, мы сворачиваем постепенно вправо, в сторону моря. Скоро будет что-то интересное.

— Диана, с тобой быть вместе — это все равно, что читать интересную книгу.

— Я вообще думаю, что жить, это — читать интересную книгу. Или скучную. Все зависит от автора. Знаешь, о чем я однажды подумала...

— О чем?

— Смотри... Возьмем какой-нибудь великий роман. Любой. Пусть это будет «Война и мир».

— Хорошо, только честно скажу, до самого конца я его не читала. Да и перечитывала некоторые места.

— Неважно. Представление об этой книге ты имеешь. И теперь представь, что на Земле произошла катастрофа. Вся цивилизация погибла, все разрушено, сгорело, не осталось ничего. Но многие выжили. В том числе и ты. Люди пытаются выжить, до-

быть еду, кров, тепло. И тут кого-то может заинтересовать судьба великих произведений искусства. Что-то сохранилось, а что-то и исчезло бесследно. В том числе, на всей Земле не осталось ни одной книги «Война и мир». Представь, что ни одной страницы не уцелело... Люди помнят, в общих чертах и героев книги и какие-то события, но текста нет, и никогда не будет. Даже по памяти никто не может восстановить ни одного фрагмента. И тут происходит удивительная вещь — история, которую мы помним по книге, становится просто одним из наших воспоминаний. И, как и любое наше воспоминание, мы можем рассказать ее своими словами. Шедевра не стало, но книга стала жизнью. Ведь жизнь — это и то, о чем остается память. Но то же самое происходит и наоборот — все, что происходит с нами в жизни, без каких-либо исключений, это великая литература. Вот, только тексты утеряны. Мы можем рассказать эти истории только своими словами.

— Все это интересно. Никогда не думала с этой стороны о жизни.

— Видишь, опять справа пошли сосны, дюны. Там, за деревьями, море. Еще немного и мы приедем.

— Домов совсем не видно.

— Да, мы на самом краю Латвии. Раньше тут проходила граница СССР. Тут была закрытая зона. В те времена мы бы с тобой тут не покатались.

Высокие сосны, тянувшиеся по обеим сторонам дороги, сменились лиственными деревьями и высокими, густыми кустами. Небо было пронзительно голубым, а белый след самолета, который рисовала Яна, размытый ветром, стал похож на изогнутое птичье перо.

Яна спрятала блокнот в сумочку и стала вглядываться в деревья за окном автобуса.

Диана довольно улыбаясь, чуть прикусила губу.

— Ну, как, Янка, как тебе... тут?

Яна, продолжая вглядываться в деревья и в высокое небо, посмотрела на Диану.

— Да как-то странно тут.

— Вот! — торжествующе воскликнула Диана. — Я давно ждала этого момента. Я так и думала, что ты почувствуешь это...

— Что почувствую?.. Дианка, не тяни, тут действительно как-то странно.

— Смотри, вот мы знаем, что люди могут видеть, слышать, различать запахи, что-то там еще могут. Но... люди могут еще и чувствовать. Они могут чувствовать то, что нельзя ни увидеть, ни услышать, ни потрогать.

— Но что это? Я точно чувствую что-то странное.

— Яна, — Диана взяла Яну за руку, — ты знаешь, с какой стороны море?

— Там, справа. Оно же там все время было.

— Да, так и есть. Оно справа. Но слева, за деревьями, тоже море! И представляешь, ты, не видя этого, чувствуешь...

— И слева и справа море? Так разве может быть? Мы что, едем по мосту?

— Мы приближаемся к самому концу мыса Колка. Он далеко выступает в море. Оно сейчас и слева, и справа, и впереди.

— Боже, хорошо, что сзади его нет. Здорово! Но моря не видно.

— Оно тут, вокруг. Сейчас... Вот уже и остановка.

Автобус выехал на широкую площадку среди невысоких сосен, проехал мимо стоящих машин и остановился у кафе. Среди сосен виднелись столы, лавки, а чуть дальше еще кафе и еще машины в тени леса.

Диана выкатила Яну из автобуса. Тугая волна прохладного ветра прошла по вершинам деревьев, и они зашумели над их головами. Яна поехала.

— Тут будет сильный ветер, особенно там, у моря. Ведь это не залив, как у нас. Тут открытое море и всегда дует ветер.

— Как на мысе Горн.

— Вот-вот,— усмехнулась Дианка.— Сейчас отдохнем. Вон там туалет. Думаю, это актуально, а то не знаю, когда он опять будет поблизости. А потом я достану тебе какую-нибудь ветровку, отдохнем за столиком и перекусим. Угощу тебя здешней копченой рыбкой. Знаешь, мы даже выпьем сейчас какого-нибудь хорошего пива. Под рыбку, самое то. Ну, что, Янка, живем! Добро пожаловать на мыс Колка!..

Оглушительный шум хаотично сбивающихся волн ошеломил и напугал Яну. Порывы ветра доносили до них водяную пыль и аромат солоноватой свежести. Яне непривычно было чувствовать себя на самом конце выступающего в море мыса. Слева, справа, спереди — всюду хаотичное столкновение огромных валов.

— Вот там я и буду рисовать. Но дальше я пойду сама,— сказала Яна, с восторгом оглядывая берег.

Коляска и вправду завязла в глубоком песке на вершине дюны. Диана помогла Яне подняться, сойти по пологому песчаному спуску и дойти почти до самой воды.

Берег усеян светло-серыми обломками дерева. Некоторые из них море и песок отполировали до идеальной гладкости. Просушенные солнцем, просоленные морем, даже самые большие из них были почти невесома, словно гигантские, ломкие крекеры.

Но особенно поразил Яну левый поворот мыса, где весь берег был завален стволами деревьев. Они лежали вповалку друг на друге, делая берег непроходимым, выступали темными змеевидными ветвями из воды. Яна устроилась на стволе одного из деревьев, выброшенного волнами далеко на берег. Сюда чуть меньше долетали брызги волн, и шум их не так будоражил душу, как на самом кончике мыса.

Диана устроилась рядом. Разложила на широком стволе пакеты с купленной в кафе «вкуснятинкой» — пирожки со шпеком, копченая камбала, кусочек угря и кружок янтарно-желтого сыра с тмином.

— Ты не думай, Янка, у нас и горячий кофе есть. Пиво я не стала покупать. У нас еще немалый путь впереди.

— Боже, неужели, немалый? — удивилась Яна, разглядывая изгибы ветвей, покачивающиеся на волнах. Здесь, за левым поворотом, море было спокойнее, и волны лишь ритмично набегали на берег. Здесь слышался стук сталкивающихся в воде стволов, да крики чаек далеко в море.

— Янка, давай перекусим, потом дорисуешь. А то кофе остынет. Посмотри, как много здесь стрекоз!

— Тут все поразительно. Здорово, что ты придумала эту поездку.

— А я и не придумывала ничего. Она произошла совершенно неожиданно. Если бы не та гроза, то... вернулись бы домой и, как две клуши, варили бы варенье. Представляешь, как неинтересно.

— Мы и про мужей своих совсем забыли.

— Фу, слово такое смешное — мужья!.. Ага. А они про нас. Очень это, иногда, полезно в семейной жизни.

— Ты так мне и не рассказала, как вы с Ником познакомились.

— Там целая история была. Можно книжку об этом написать. Как-нибудь расскажу... Попробуй сыр. Это настоящий Янов сыр, его на Лиго с пивом едят.

— Говоришь, вкусно?.. Да, классно,— кивнула Яна, откусив кусочек потеплевшего на солнце сыра.

— Все это надо слопать, Янка,— сказала Диана, жмурясь на солнце и оглядывая море.— Хорошо тут, правда?

— Мне очень нравится.

— Мы с Мишкой тут сто раз были.

— Мишку я помню.

— Они летом с отцом все время в путешествиях проводят.

— Жениться не собирается?

— Пока нет.

— Думаю, он в тебя влюблен.

— Не знаю.

— Да ладно, не знаешь ты...

— Налегай, налегай, Янка... Фу-ф!.. Как тут и вправду хорошо — на краю земли. Но, ничего, вернемся из нашего великого путешествия, доварим варенье и, как—нибудь, дождливым вечером, посмотрим классный фильм Бергмана.

— Как называется?

— М-м-м, это будет сюрприз. Очень страстный фильм. А страсть — единственное, что придает жизни смысл.

— Ой, Дианка... Смешная...

— Да уж поверь моему опыту, дитя мое... Страсть, она ведь может быть разная. Может быть страсть к еде, а может к вину. Ну и естественно,— Дианка лукаво взглянула на Янку,— чего скрывать, может быть и страсть к сажанию картошки...

— Эх, Дианка, была бы я парнем, точно бы в тебя влюбилась.

— Уже замужем. Забито... Ну, как, накормила я тебя?

— Диана, обалдеть, как вкусно. Вот только руки помыть хотелось бы.

— Сейчас зачерпнем.

Диана закатила чуть повыше шорты и вошла в воду. Волны плещутся у ее ног, таких светлых, изящных. Странно,— думает Яна,— ведь и спортом она не занимается, а такая красивая. Просто, такая она есть...

— Дианка, ты очень красивая! — крикнула ей Яна и помахала рукой.

Дианка улыбнулась и, набрав в полиэтиленовый пакет воду, вышла на берег. Пакет светится на солнце, словно шар, полный огня, ослепительные капли срываются с него и падают снова в море.

— Представляешь, как сейчас мы далеко,— сказала она, сливая воду на руки Яны.

— От чего далеко?

— Ну, хотя бы от Женьки.

— Это уж точно. Я ведь в жизни никогда не была «далеко». Далеко можно быть от дома, от родных, друга... В интернате, в больницах, в санаториях я всегда чувствовала себя как дома.

— Интересно,— произнесла Диана, сядя рядом; она поддела ногой песок и посмотрела, как тот полетел по ветру,— где-то я слышала, и какой-то смысл в этом есть, что человеку, в общем-то, и нужно только три вещи — кров, пища, тепло. Интересно, какой была бы жизнь, если бы человеку и этого бы не требовалось? Все время было бы тепло, спи под любым кустом, кругом полно еды, только руку протяни.

— Видела я такое в одном фильме про африканское племя. Мужик там именно так и спал под кустом, в тени, потом вдруг падает с дерева какой-то фрукт. Он руку протянул, поел, на другой бок перевернулся и дальше спит.

— М-да... Фильм, наверное, назывался «Сдохнуть в Раю». Нет, идея мне уже не нравится.

— Дианка, нам бы подумать об обратном автобусе.

— Рассудительная моя сестричка, обратного автобуса сегодня не будет.

— Будем спать под кустом?

— Нет, спать будешь на широкой постели. Но сегодня нам всюду будет дом. Янка, ты уж доверься мне. Ты говорила, что жизнь твоя была монотонная и предсказуемая...

— Все-то ты подметишь. Я и не помню, как это сказала.

— Было, было... Вот я тебя теперь приключениями и завалю. После сегодняшнего дня и, особенно, ночи, ты уже такие слова не скажешь.

— Ну вот, совсем напугала. Ты не лесбиянка часом? — Яна рассмеялась.

— Мы ничего не можем знать, знаю одно — будет чистый дзен, чистое существование. Когда японский мастер дзен по имени Доген, вернулся из путешествия по Китаю, его спросили, что он привез? И он ответил — «глаза по горизонтали, нос по вертикали...». Вот, и все его учение. Чистое осознание. Вот осознай этот миг, Янка. Ведь пока мы говорим, ты перестала слышать, как шумит море, перестала чувствовать ветер. Почувствуй все это...

— Я чувствовала, что за твоими безумствами всегда что-то есть. Что-то такое, что я не могла понять. Теперь ты это прямо сказала. А?.. Что улыбаешься?..

— Просто смотрю на тебя и улыбаюсь. Мы такие разные. Ты рассудительная, и, не спорь, гораздо умнее меня.

— Понимаю, понимаю, а ты гораздо мудрее меня. Понимаешь, Диана, мы жили разные жизни. Я бы не выжила, если бы была другой. Я зверек, который знает, что такое голод и холодная нора.

— Но ты сегодня просто доверься мне. Поверь, я знаю, что хочу... показать тебе. Ладно?..

— Доверяюсь тебе, Диана.

— Зови меня Дианка.

— Ди... ан... ка. Дианка... Знаешь, я тебе скажу то, что чувствую, может, ты и не писатель вовсе, а что—то другое, под видом писателя.

— Может, я и не Дианка вовсе, а что-то другое под видом Дианки.

— Да, так лучше.

— Знаешь, давай купаться. Там так классно, вода теплая, кругом колышутся эти поваленные деревья. Прямо какой-то «остров затонувших кораблей». Это незабываемо! Давай!..

— У нас же нет купальников.

— А ты видишь людей? Все уже ушли на последний автобус. Раздеваемся и в воду.

— На маньяков не нарвемся?

— Здесь их нет. Сюда слишком долго добираться. Давай, Янка.

И Диана, встав, скинула шорты, майку и в одних узких, черных трусиках шагнула к воде, остановилась и протянула Яне руку. Яна оглянулась вокруг себя. За спиной замер лес, освещенный теплым светом солнца, справа берег, заваленный стволами деревьев, словно обломками сотен кораблей, потерпевших кораблекрушение. А слева, за песчаным выступом мыса, бушует море, вздымается водяная пыль, кружат огромные водовороты. Но здесь тихо, безветренно и волны с мягким плеском выкатываются на берег.

Яна, с трудом поднявшись, расстегнула джинсы, и они упали к ее ногам. Сняла блузку и, поискав глазами, куда бы ее положить, махнула рукой и просто кинула на ствол дерева.

— Яна,— Диана протянула ей руку.— Держись за меня. Здесь очень гладкий берег. Не бойся, я крепко тебя держу. Я, хоть и хрупкая, но знаешь, какая гераклистая.

Они медленно вошли в воду по пояс... Потом еще чуть дальше, и плечи Яны окатила теплая, покатающая волна. Диана держит ее за руки и смотрит куда-то далеко за горизонт. И в этот миг, ощущая всем телом свежесть моря, Яна вдруг почувствовала, что времени и вправду нет. Понять это нельзя, но можно почувствовать, что иначе быть не может. Море, ветер, чайки, и еще она слышит свое дыхание. А ведь никогда

она к нему не прислушивалась. Дышит... И разве может быть иначе?.. Только сейчас она и поняла, что всего лишь дышать и есть уже чудо. Целое небо воздуха над ней и зеленовато-голубой простор моря, и все это наполняет сердце такой радостью. И все вокруг так чудесно! И можно стоять в воде, и не бояться, что упадешь. Вода держит и дарит свободу движения, которую Яна давно уже позабыла.

— Так бы и жила в воде, как Ихтиандр,— тихо произносит она.

Диана плавает рядом, и колышутся вокруг выступающие из воды ветви деревьев, с плеском постукивают друг о друга скользкие стволы.

Как радостно ни о чем не думать. Да стоит сейчас о чем-то подумать, и все пропадет... Зачем думать?.. Не хочу,— думает Яна. Зажмурившись, она повернула лицо в сторону солнца и почувствовала его тепло лбом, щеками, даже кончиком носа. Приоткрыла глаза и радостно содрогнулась, ослепленная блеском воды. И тут же прохладные брызги окатили ее плечи и шею.

Это Диана подплыла сзади, подхватила подмышки руками и она, поддерживаемая Дианой, расслабилась и легла на спину на поверхности воды. Маленькие волны перекатываются через ее колени, живот, и голую грудь... Море ласкает ее, солнце греет и целое небо чистого воздуха над ней.

— Не холодно? — у самого ее уха произнесла Диана.

— Очень хорошо! Я ни о чем не думаю.

— Чувствуешь? — спросила Диана.

— Что?

— Что мы с тобой на краю света...

— Да... И последний автобус ушел.

— И пусть. Мы дома, Янка.

— Да, Диана... Мне так хотелось бы, чтобы Рай, если он когда-нибудь будет, был бы хоть капельку похож на этот миг.

Диана ничего не говорит и только смеется. Ее короткие мокрые волосы растрепались, она похожа сейчас на чудесного мальчишку, гораздо более сильного, чем она, Янка.

— Помнишь, как когда-то в детстве я писала тебе, что однажды мы будем вместе,— сказала Диана.— Все сбывается. Вон сколько прошло времени, но ведь сбылось. Может, мы и вправду нужны для чего-то в этом мире, раз какие-то силы нам помогают. Я чувствую, что это так...

(Продолжение следует)

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ШАХТА ПЛЮСУЕТ
(глава из повести «Звезда над копром»)

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Несмотря на позднее возвращение, Иван проснулся рано. Как только первые солнечные лучи пробились сквозь не зашторенное окно, он открыл глаза. От яркого солнечного света, а еще больше от приятных воспоминаний о Маше он улыбнулся и с удовольствием потянулся на постели. День был воскресным и выходным, а потому Иван никуда не спешил. Встал с кровати и на цыпочках, чтобы не топтать и не разбудить спавших племянников, прошел на кухню. Матвей Кузьмич разжигал печь.

— Здорово, батя,— поздоровался Иван и прошел на двор.

— Здорово, здорово,— нехотя ответил на приветствие сына отец, подкладывая в печь поленья дров.— Замерз? — спросил он, когда Иван вернулся на кухню.

— Да, холодновато,— ответил тот поеживаясь.

— Сейчас тепло пойдет,— сказал Матвей, подталкивая кочергой поленья в огонь.

Иван умылся под рукомойником, вытер полотенцем лицо и поставил на печь чайник.

— Давай чайку попьем,— произнес он.

— Попей, попей чайку,— кивнул головой Матвей.

— Что-то ты, батя, не веселый какой-то, не заболел ли? — спросил Иван.

— Я-то не заболел, а вот ты, видать, после вчерашнего прибалываешь.

— Наверное, опять будешь меня допекать за то, что поздно пришел? — ухмыльнулся Иван.

— Поздно-то ладно, я уже привык к твоему позднему возвращению, а вот что под хмельком пришел — это уже плохо,— с сожалением в голосе изрек Матвей Кузьмич.

— Так я, батя, взрослый уже, мне не пять годков-то, чтобы ты меня все опекал.

— Ну ладно, об этой твоей выпивке мы еще поговорим, но у меня к тебе еще одна претензия имеется.

— Это какая же? — неподдельно удивился Иван.

— Что же ты не скажешь, что шахта плюсует? Клавка Митина вчера ходила в Горняцкий и видела там, что на шахте звезду зажгли. А ты что же помалкиваешь?

— А тебе-то зачем это нужно знать?

— Как же зачем?! Теперь составы с углем пойдут огромные, вагонов-то с углем теперь к паровозу прицепят много, и он их еле-еле тащить будет...

— Собираешься опять набегать на поезда делать? — перебивая отца, спросил Иван.

— Уголек-то он нынче на вес золота будет, не накопишься его,— ответил Матвей.

— Нам же, как семье шахтера, летом уголь бесплатно выдавали, неужели не хватило? — пожал плечами Иван

— Много они дали?! — недовольно переспросил Матвей Кузьмич.— Два раза по-хорошему избу протопить. Дали они... курам на смех,— ухмыльнулся он.

— Летом еще дадут, или думаешь, не хватит нам угля до лета?

— Я не думаю, я знаю, что до теплых дней угля не хватит.

— Так зима-то уже заканчивается, вон уже март на дворе,— улыбнулся Иван.

— Ну, зима еще не закончилась, а ночи они и в марте холодные. Хватит об этом разговор вести, надо Татьяну будить с ребятами, да идти на чугунную дорогу,— произнес Матвей Кузьмич, прикрывая в печи заслонку и, побряхтывая, вставая с колен.

— Ну, что же, коль ты так решил, давай пойдем поезда грабить.

— Ты мне это брось... поезда грабить... тоже мне, грабителей нашел! — недовольно изрек Матвей.— А уголь в три дорога продавать — это что? Не грабеж?! А одну телегу угля шахтерам давать на всю зиму, на раз избу протопить — это тоже не грабеж? А мерзнуть зимой — это как, по-твоему, получается?! Грабить... отца родного в грабители записал!

— Ну ладно, ладно, батя, завелся,— миролюбиво проговорил Иван. Он и сам осознал, что своим неосторожным высказыванием обидел отца,— Да ты сам-то не ходи, мы одни без тебя ходим,— предложил Иван отцу.

— Вы в прошлый раз без меня сходили, одну угольную пыль принесли. Сам пойдешь,— тоном, не терпящим возражения, проговорил Матвей.

В это время в кухню вошла Татьяна, поздоровалась со всеми и взглянула на висевшие на стене ходики.

— Время-то уже почти восемь! — ужаснулась она.

— А ты что, ай собралась куда? — взглянул на нее Матвей Кузьмич.

— Да никуда я не собралась.

— А чего же тогда на часы смотришь?

— Завтрак мне пора на стол собирать, вас кормить,— ответила Татьяна. Затем, умывшись, она повязала на голову платок, подвязала фартук и, подойдя к печи, загремела посудой.

— Вчера вечером Клавка Митина ходила в Горняцкий в магазин, говорит, что на шахте звезду зажгли, это потому, что шахта план перевыполнила. Теперь потащат паровозы уголек-то! — заговорил после недолгого молчания Матвей, поглядывая на сноху.

Татьяна молчала. Она прекрасно знала, к чему Матвей Кузьмич завел разговор о перевыполнении шахтой плана. Она не любила ходить на железную дорогу и воровать с проходящих поездов уголь. Ей всегда в такие моменты хотелось задать свекру вопрос: как же он может воровать у государства уголь и ходить при этом в церковь молиться?! Она всегда была внутренне категорично против того, что Матвей Кузьмич, идя на линию за углем, берет с собой своих внуков, ее детей, приучая их, таким образом, к воровству. Татьяна всегда была против этого, но она никогда не позволила бы себе задать свекру такие вопросы, потому что уважала Матвея Кузьмича за трудолюбие, за доброту, за любовь к родным и близким ему людям, уважала его за супружескую верность. И когда посадили в тюрьму ее мужа Мирона, как бы тяжело ей не было, она ни разу не предала его. Потому что примером любви и верности для нее всегда был свекор, овдовевший и один растивший детей. Так больше и не женившись, хотя многие одинокие женщины и хотели сойтись со спокойным и уравновешенным, непьющим и трудолюбивым вдовцом. «Мы же венчаные с Настасьей, как же я потом там, на небесах, ей в глаза-то глядеть буду, если тут, на земле, изменю ей?» — ответил как-то Татьяне Матвей Кузьмич на ее вопрос о нежелании повторно

жениться. И больше она ему таких вопросов никогда не задавала. А вот она со своим Мироном так и не обвенчалась, хотя и мечтала о том, но на дворе уже были другие времена, и венчаться стало уже не модным, да и к тому же опасным делом. Как ни уговаривал Матвей Кузьмич сына обвенчаться с Татьяной, но тот всегда отвечал отказом. Очень переживал из-за этого Матвей, жалел Мирона, но еще больше жалел и переживал за Татьяну. «Мужику в блуде жить нельзя, а бабе вдвойне нельзя. Баба, она обязательно должна под венец идти, потому что детям своим должна пример христианский подавать, а не дурной»,— говорил он сыну, но Мирон оставался непреклонен. Чувствовала Татьяна своим женским чутьем, что беспокоится и переживает за нее, как за родную дочь, Матвей Кузьмич за то, что она в супружестве своем не по-христиански живет, да поделаться ничего не могла. А потому и она его любила своей дочерней любовью и уважала. И никогда она ему не выскажет претензий за то, что он ходит на железную дорогу воровать уголь, да к тому же знала она, что в дни перевыполнения шахтой плана, на железную дорогу за углем приходили почти все жители окрестных деревень. Угля не хватало всем.

— Там, на чугунной дороге, теперь уже, наверно, вся деревня собралась, паровозы с углем ждут,— вывел Татьяну из грустных раздумий голос Матвея Кузьмича.— И нам тоже поторапливаться надо, а то сейчас через часок морозец оттает, земля-то она вон в поле уже из-под снега показалась. Боюсь, снег сойдет, земля расквасится и грязно будет. Ты, Татьянушка, буди ребятишек, позавтракайте и давайте собираться. А ты, Ванька, допивай свой чай, да иди на двор лошадь запрягай, и мешки с корзинами возьми. Да у скотины не забудь почистить, а то пока мы вернемся, скотина полдня в навозе стоять будет.

— Сам-то сядь за стол, поешь, у меня уже все готово,— проговорила Татьяна, обращаясь к свекру и накрывая на стол.

— Я не хочу, я давеча немножко перекусил,— махнул он рукой.

Разбуженные матерью Колька с Васькой, узнав, что им предстоит идти на железную дорогу за углем, так обрадовались, что, не обращая никакого внимания на мать, начали прыгать на постели, кричать от радости и бить друг друга подушками. И чтобы их успокоить Татьяне пришлось повисить на них голос. Наконец-то они успокоились, быстро встали с кровати, и даже с удовольствием поели кашу, что в другие дни делали с большой неохотой.

— Дуже тепло-то их не одевай, а то им неловко будет уголь собирать,— проговорил Матвей, глядя на то, как Татьяна кутает детей в пальто и валенки.

— Ничего, как-нибудь соберут,— ответила она, повязывая детям поверх пальто шарфы. Те, услышав дедова слова, заупрямились и начали высказывать недовольство, сопротивляясь матери. Татьяна прикрикнула на них и предупредила, что они никуда не пойдут, если не наденут шарфы.

— Дед сказал, что нам в шарфах и варежках будет неудобно уголь собирать,— запричитали они в два голоса.

— Все будет удобно, а если вы не наденете шарфы и варежки, то останетесь дома, и будете делать уроки, а я приду и проверю их у вас,— строго сказала Татьяна и Колька с Васькой подчинились.

На улице было солнечно и морозно. Иван, держа в руках поводья, уже давно ожидал домочадцев.

— Все взял? Ничего не забыл? — строго спросил у него Матвей Кузьмич, забирая из рук Ивана поводья, давая понять, что лошадью будет управлять он.

— Все положил. И мешки, и корзины, и канистру с водой. Вон все в санях лежит,— ответил Иван, указывая кивком головы на сани.

— Ты там мылом-то особенно не намыливай, его у нас немного осталось,— про-

изнес Матвей,— Надо бы за мылом как-нибудь на днях на стройку съездить,— вздохнул он.

Иван усадил в сани племянников, помог сесть Татьяне, затем поставил канистру с водой, положил рядом хозяйственное мыло и только после этого сел сам.

— Ну, с Богом! — произнес Матвей Кузьмич, усаживаясь в сани.— Но-о! Пошла-а! — прикрикнул он на лошадь и начал слегка подстегивать ее вожжами. Та пофыркала для приличия и пошла медленно, кивая при каждом шаге головой. За деревней, в чистом белоснежном поле, словно почувствовав простор, побежала рысцей, вызвав восторг не только у Васьки с Колькой, но и у Ивана с Татьяной. Матвей Кузьмич подстегнул лошадь и, умело объезжая выступившую местами из-под снега землю, направил ее к небольшому оврагу, в то место, где железная дорога немного поднималась в гору, и где паровоз, с трудом волоча за собой несколько десятков вагонов с углем, терял скорость. Этим обстоятельством и пользовались деревенские жители. Они из-за тихого паровозного хода смело запрыгивали на вагонные подножки, а затем лезли вверх к углю, где хватали камня побольше, а затем сбрасывали их вниз ожидавшим родственникам. Нередко сразу двое, а то и трое находящихся на вагоне мужчин, заметив огромный угольный булыжник, хватали его одновременно и тогда между ними возникали нешуточные ссоры, которые всегда заканчивались мирными вечерними застольями.

У железнодорожного полотна в ожидании очередного состава с углем уже находилось несколько семей деревенских жителей, среди которых Иван увидел и мужиков, работающих вместе с ним на шахте. Поздоровавшись со всеми, он достал из саней канистру, взял мыло и направился к полотну.

— Ну что, начнем? — улыбнувшись, спросил он, оглядывая всех. И не ожидая ответа начал поливать водой из канистры рельсы, а затем усиленно намыливать их мылом. Вскоре рельсы покрылись мыльно-ледяной коркой.

— Поменьше, поменьше мыло расходуй,— прокричал ему отец, вытаскивая из саней корзинки и мешки.— И так уже хорошо намылил.

Стоявшие рядом люди заулыбались.

— Ох, и скуп ты, дядя Матвей,— засмеялась одетая в подпоясанную веревкой телогрейку, валенки и платок деревенская красавица Ефимова Наталья, которая, в ожидании поезда, чтобы не тратить время понапрасну, лузгала семечки. Рядом с ней стоял работавший с Иваном на одной шахте ее муж Валерий, он курил папиросу, и лишь одними губами улыбнулся словам жены.

— А скупость, Наташка, не глупость,— отреагировал Матвей на слова Натальи, после чего та засмеялась в голос, показав при этом свои ровные белые зубы и обозначив ямочки на раскрасневшихся от мороза щеках.

Их запряженная в сани лошадь стояла здесь же, а в санях сидели трое их детей погодков: Петька, Пашка и Варька. По возрасту они были почти ровесники Ваське и Кольке, и, увидев их, оживились, заулыбались. Слезли с саней и наперебой начали им что-то рассказывать. Вернулся с полотна Иван.

— Хорошо намылил? — спросил у него Валерий, докурив папиросу и щелчком откинув ее в сторону.

— Нормально. Думаю, что буксовать будет,— весело ответил Иван, кладя в сани канистру и измыленный кусок мыла.

— Ну что, мужики, шахта план выполнила, теперь, наверно, премию хорошую получите? — обращаясь к Валерию и Ивану, спросил колхозный пенсионер семидесятисемилетний Николай Авдеевич Горюшкин.

— Как начальство решит. Захотят дать, то дадут, а нет, то, как говорится, и суда нет,— ответил ему Валерий.

— Дадут, дадут,— утвердительно кивнул головой Николай Авдеевич.— Шахта — она богатая, деньги имеет. Уголек-то, небось, за границу повезут, за золотишко продавать будут, государство — оно и себя не обидит, и вам глядишь, что-то достанется. А вот я всю жизнь в колхозе проработал за гроши и никаких нам премий никогда не давали.

— Ты сравнил, Авдеич, шахту с колхозом. Ты на своей работе свежим воздухом дышал, а мы там, в преисподней, от угольной пыли задохнулись, лопатой уголек гребли; бери больше — кидай дальше. Уголек-то он просто так не дается,— вступил в разговор Матвей Кузьмич.

— Так я что, Кузьмич, не понимаю что ли?! — развел руками Горюшкин.

— Ой, дядя Коля, да о чем вы говорите?! Все равно они эту премию свою если и получают, то пропьют всю,— вступила в разговор Наталья, посмотрев при этом укоризненно на мужа. Тот промолчал.

— А как же ты, Наталья, хотела? И выпить мужикам тоже надо,— ответил ей Горюшкин.

— А я бы хотела, чтобы мужья всю премию женам отдавали, а не пропивали,— отреагировала Наталья. И сама же громко засмеялась своим словам, вновь обнажив ровные зубы и обозначив ямочки на щеках.

— Идет, идет! — крикнул кто-то, и все приготовились к самому главному и волнующему моменту — к захвату вагонов с углем.

Паровоз, отфыркиваясь удушливым черным дымом, тащил за собой больше двух десятков груженных под завязку вагонов. Доехав до того места, где железнодорожная насыпь немного уходила в гору, да к тому же, где на рельсах была мыльно-ледяная корка, паровоз беззащитно завертел по скользкой глади колесами, и резко сбавил и без того медленную скорость. В это время стоявшая вдоль полотна одна группа мужчин в один миг влезли на вагоны и начали сверху кидать в снег угольные камни. Другая группа, состоявшая из стариков, женщин и детей, собирала уголь в приготовленные мешки, корзины и ведра. Машинист паровоза, предупреждая людей об опасности, которой они себя подвергают, стал усиленно подавать длинные и короткие гудки, но, видя, что это действие не возымело результата, открыл окно паровозной будки и выставил лицо. Шевеля злобно усами, он начал что-то кричать людям и грозить им кулаком, но его слова тонули в шуме работавшего паровозного двигателя. Вскоре он вновь закрылся в будке и в тот же миг паровоз вновь начал издавать длинные гудки, а затем, словно обозлившись на людей, зафыркал и еще быстрее завертел беспомощно колесами. В то время, пока паровоз продолжал буксовать, Иван, спрыгнув с вагона в снег, быстро подбежал к будке машиниста и, нырнув под паровоз, начал открывать вентиль тормозной магистрали. От увиденного Матвея Кузьмича охватил дикий ужас, и он закричал на Ивана, что было силы, замахал руками и затопал по снегу валенками, но его голос, так же, как и голос машиниста, из-за шума был не слышен. Наконец, не выдержав, он бросился к Ивану, чтобы вытащить его из-под паровоза, и в тот же миг с громким фырчащим шипением из-под будки машиниста вырвался пар, окутав своею белою пеленою стоявших рядом с паровозом людей. Оказавшись под парами и ничего не видя вокруг себя, Матвей Кузьмич еще больше испугался за Ивана. Ему показалось, что паровоз тронулся с места и его вместе с Иваном сейчас разрежет пополам огромными железными колесами. В ужасе он обхватил грязное и засаленное паровозное колесо и, пытаясь остановить его ход, пытаясь спасти сына и себя, понимая абсурдность своих действий, изо всех своих сил начал его сдерживать. «Господи, спаси нас и помилуй»,— прокричал он и приготовился к самому худшему. Но с тем, как из-под паровоза исходил пар, его колеса все сильнее и сильнее стали сжиматься тормозными колодками. Наконец, схваченные

мертвой хваткой, они замерли, и паровоз перестал сопротивляться, попыхивая успокоительно черным, закопченным дымом. После того, как пар рассеялся, Иван выскочил из-под паровоза и с удивлением увидел рядом с собой ругавшегося отца. Не обратив на это никакого внимания, он схватил на руки племянников и влез вместе с ними на вагон.

— Держите! — крикнул он и начал кидать вниз уголь, но ни Матвей Кузьмич, ни Татьяна не смогли прийти в себя от пережившего ужаса.

— Держите! — тонким детским тенором прокричали сверху Васька с Колькой и, подражая дядьке, так же начали скидывать с вагона уголь.

Вскоре Матвей Кузьмич и Татьяна пришли в себя и стали собирать уголь. Машинист тем временем открыл окно, закурил папиросу и молча стал наблюдать за происходящим. Спешить ему теперь было некуда, паровоз медленно закачивал воздух. Спустя полчаса, когда вдоль железнодорожного полотна уже стояли наполненные углем мешки и корзины, паровоз зафыркал. Державшие колеса тормозные колодки ослабили, и машинист, чтобы паровоз больше не буксовал, подал на рельсы к колесам из песочницы специальный просеянный песок. Затем, извещая всех о том, что он начинает движение, дал длинный гудок, и колеса с грохотом завертелись. Паровоз резко дернул вагонами и медленно поехал. Сидевшие на вагонах люди стали спускаться вниз.

Иван помог племянникам слезть с вагона, и после того, как убедился, что они находятся от состава на безопасном расстоянии, спрыгнул сам. Прогрохотав колесами на стыках рельс, паровоз уехал, а люди все еще продолжали собирать раскиданный вдоль полотна уголь.

— Ты чего это хватаешь чужой уголь? Это мы его с Колькой сбросили, — прикрикнул Васька на Ефимова Петьку. — А этот камень дядя Ваня сбросил, он тоже наш.

— Это мой папка сбросил, я помню, отдай! — воскликнул в ответ Петька, и начал отнимать у Васьки уголь.

— Ах, ты так?! — разозлился Васька и с силой оттолкнул от себя Петьку. Обидевшись, тот дал Ваське в ухо.

— Ах, ты драться?! — воскликнул Колька и, подбежав к Петьке, свалил его в снег. На него сзади навалился Пашка, а на Пашку навалился Васька.

Стоявшая рядом с дерущимися Варька завизжала.

— Папа, мама, а Петька и Пашка с Петровыми дерутся! — закричала она визгливо.

К ребятам подбежал Ефимов Валерий и, схватив Ваську за шиворот пальто, отшвырнул его в сторону. Тот заплакал.

— А ну, цыть, мелюзга! — прикрикнул он.

— Ты чего это мальчика за шиворот хватаешь? — прикрикнул на Ефимова Матвей Кузьмич. — А то вот я тебе сейчас самого палкойогрею вдоль спины! — В доказательство своих слов Матвей стал потрясать палкой.

— Я вот не посмотрю, что ты, дядя Матвей, в годах, и твоею палкой тебя самогоогрею! — резко ответил ему Ефимов.

— Ты чего это там на моего отца твякаешь, как пес из подворотни? — Или тебе пасть твою собачью заткнуть? — подбежал к Ефимову Иван, но Матвей Кузьмич преградил ему путь.

— Не смей! Не смей! — тоном, не терпящим возражения, приказал он сыну, и Иван не стал перечить отцу, только злобно сверкая глазами смотрел на Ефимова.

— Только попробуй! Пасть он заткнет! Нашелся тут, деляга! — вступилась за мужа Наталья. — Я тебе сейчас сама пасть заткну! — пригрозила она Ивану, но тот не стал с нею связываться.

— Ну, хватит вам, прекратите! — глядя на скандалистов, проговорил Горюшкин. — Ну ладно эти — молодые, но тебе-то, Кузьмич, не стыдно ссору затевать?

— А ты меня не стыди! Это не я ссору затеял, а он,— ответил Матвей Кузьмич, указывая пальцем на Валерия.

— Да это ты на меня палкой намахиваться начал,— гневно ответил тот. От волнения он тяжело дышал.

— Дык как же мне не намахиваться, коли ты сказал, что палкой меня огреешь! — возмутился Матвей.

— И ты, Валерка, на кой мальчика обидел? — обратился Горюшкин к Ефимову.

— А ты, Авдеич, не лезь в наш разговор. Тебя не трогают, а значит стой и молчи! — прикрикнула на Горюшкина Наталья. Она раскраснелась еще пуще прежнего, глаза у нее заблестели, платок сбился с головы.

— Ишь ты, командирша какая нашлась! Мужем своим командуй, а не мной!

— А это не тебе, Авдеич, решать, кто у нас в семье командовать будет! — вступился за жену Валерий.— Ты если пришел за угольком, то собирай себе потихонечку, да иди домой.

— А ты меня не попрекай, можно подумать, что ты пришел не за угольком,— парировал Николай Авдеевич.

— А я за своим угольком пришел! Это я его оттуда достал! — вскипел Валерий, и стал указывать пальцем на землю, имея в виду шахту.

— Да вам, шахтерам, и так уголь бесплатно выписывают, а вам все мало! Все побольше ухватить норовите! — возмутился Горюшкин.

— А мы тебе, Авдеич, чего — уголь не даем брать? — вступил в разговор Матвей Кузьмич.— Бери столько, сколько унести сможешь! — Но Авдеевич завелся не на шутку.

— Нате, берите! — прикрикнул он и стал расшвыривать из мешка собранный уголь.— Забирайте! Все вам мало, все не нахапаетесь никак! — кричал он. Руки у него от волнения дрожали, глаза горели гневом, щеки пылали.

— Вот чудак-человек! — примирительно заговорил Матвей, оглядывая окружающих и ища у них слова поддержки, но Горюшкин не успокаивался.

— Все вы тут супротив меня настроенные. Как же, мы-то — шахтеры! А ты, Николай Авдеевич, никто! Ты — колхозник, а значит дурак супротив нас! — не унимался он.

— Да успокойся ты, дядя Коля,— проговорил Иван.— Никто тебя дураком никогда не считал и не считает.

— Знаю я вас всех! — проговорил Горюшкин и, бросив в салазки опустошенный мешок, пошел домой.— Я с вами, ворюгами, в другом месте разговаривать буду! — пригрозил он напоследок.

— Это мы-то ворюги?! — вскипела Наталья.— Да это ты, когда работал, весь колхоз разворовал! Думаешь, я не видала, как ты по ночам домой зерно со свеклой таскал?! Видала! Я все видала!

— Да ты-то хоть угомонись! — прикрикнул на жену Валерий.— Видишь, человек не в себе!

Наступила неловкая тишина. Всем было неудобно друг перед другом.

Многие другие жители Озерок в ссору не вступали. Они молча собирали уголь и лишь изредка, кто серьезно, а кто с ироническими улыбками на лицах, смотрели на ссорившихся людей.

— А ну-ка, быстро в сани! — приказала Татьяна Ваське с Колькой.— Дай домой приедем, я вам всыплю по первое число! Вы у меня надолго запомните, как драться! — пригрозила она детям. Те понурили головы.

— И вы тоже шагом марш домой! Сейчас у меня дома тоже получите! — прикрикнула на своих детей Наталья. Те так же склонили головы, и побрели к своим саням.

Расходились соседи молча, потупив от стыдливости глаза. Загрузили мешки с углем, уселись в сани и, не взглянув друг на друга, стеганули лошадей.

По возвращении домой Петровы распрягли лошадь, сложили в сарае уголь, мешки с корзинами, и спустя час собрались за обеденным столом. Самыми последними за стол уселись Васька с Колькой, отстояв положенное время в разных углах за драку с Ефимовыми ребятами.

— Неловко с Авдеичем получилось,— проговорил Матвей, тщательно пережевывая пищу.— В последнее время он какой-то нервный стал.

— Пьет много. Почтальонша говорила, что пенсию ему на неделю не хватает, всю пропивает,— проговорила Татьяна.— Одинокий, потому и пьет,— вздохнув, подытожила она.

— Это он не от одиночества пьет,— возразил Матвей.

— А от чего же еще?

— От дури своей, вот от чего,— со знанием дела ответил Матвей.

— Да нет, батя, тут Татьяна права. Конечно, он пьет от одиночества. Вспомни, когда тетка Нюшка его была жива, он не так сильно пил, как сейчас пьет,— вступил в разговор Иван.

— Да пил он и раньше,— возразил Матвей.

— Пил, да не так,— махнул рукой Иван.

— А ты руками-то не махай! Размахался! — неожиданно прикрикнул на сына Матвей Кузьмич, и все с недоумением на него взглянули.

— Ты чего это, батя? — Иван отложил в сторону ложку, с удивлением взглянул на отца.

— А того! Ты давеча зачем под паровоз полез?

— Нужно было, вот и полез. Пар спустил, чтобы паровоз остановился, а то бы он продолжал ехать. Что мы на ходу, много угля набросали бы?

— А если бы он в тот момент, когда ты под него залез, поехал бы?

— Да куда бы он не поехал, он буксовал,— ответил Иван.

— Как не поехал бы?! Как только лед из-под колес повывлетал бы, так он сразу бы и поехал! Колеса крутятся, а он лезет под них, герой нашелся! Ты мне прекращай такой ерундой заниматься! — продолжал ругаться Матвей.

— Ладно, ладно, больше не буду,— пообещал Иван.

— Ты мне не говори, как ребенок: больше не буду — больше не буду, а пообещай, что больше так поступать не будешь! — потребовал отец от сына.

— Батя, хватит уже! Ты, наверное, с Валеркой Ефимовым не наругался, и теперь на меня напал?!

— Я тебе правильно говорю: под паровоз чтобы больше никогда не лез! — стукнул Матвей Кузьмич рукой по столу.

— Ваня, и вправду так нельзя! Я думала, что сознание потеряю от страха из-за тебя, когда ты под паровоз прыгнул, а он пар выпустил! Отец правильно говорит, и ты должен с ним не спорить, а согласиться,— вступила в разговор Татьяна.

— Ну, а ты ему объясни — этому долдону бестолковому! — проговорил Матвей, обращаясь к Татьяне.

— Ладно, все уже! Сказал, что больше такого не будет! Слово даю!

— Дядь Вань, а как ты паровоз остановил? — спросил у Ивана Васька.

— Вентиль открыл и из паровоза пар сошел. А без пара он ехать не может. Ему пар нужен, как нам воздух.

— Чтобы дышать? — спросил Колька.

— Да, чтобы дышать. Паровоз тоже, как и мы, дышит. Только мы дышим воздухом, а он паром.

— Ух ты! — неподдельно обрадовался Колька.— А меня так научишь паровозы останавливать?

— Учись в школе лучше, там тебя всему научат,— улыбнулся Иван.

— И паровозы останавливать? — не унимался племянник.

— И не только останавливать, но и водить паровозы. Вот вырастите большими и будете паровозы водить.

— В школе не учат паровозы водить, там учат только примеры с задачами решать и по письму писать,— со знанием дела ответил Васька, и после его слов все улыбнулись.

— Ну, правильно. Это пока вас учат примеры с задачами решать, а вот подрастете немного и паровозы научат водить,— произнес улыбающийся Иван и потрепал Ваське волосы.

— Лучше ты нас, дядь Вань, научи паровозы водить, чем в школе,— поддержал брата Колька.— Нам обязательно надо сейчас научиться паровозы останавливать, а не потом, когда подрастем.

— Вот видишь, какой ты дурной пример ребятам показал?! — то ли спросил, то ли констатировал Матвей Кузьмич. Иван промолчал. После этого все разговоры прекратились сами собой, ели молча.

После обеда Иван вышел на улицу, вслед за ним, накинув на плечи тулуп, вышел Матвей Кузьмич, облокотился об изгородь. Мороз ослаб, в воздухе стоял запах весны, скотины и прошлогодней прогорклой соломы. Ветви деревьев под теплыми солнечными лучами оттаяли и кое-где вперемешку со снегом покрылись весенней влагой, на ветвях раскачивались и кричали грачи.

— Вот и грачи прилетели,— вполголоса проговорил Иван, взглянув на росшую во дворе дома березку с сидящими на ней грачами.

— Да, Герасим-грачевник пришел и грачей к себе созвал,— сказал Матвей Кузьмич и тоже взглянул на березку.— С Настасьей своею, матерью вашей, березку эту сажали еще до войны. Тоненькая была, хиленькая, что ребенок малый, думали, что не приживется она, погибнет. Однако выдюжила, вон какая здоровенная вымахала! — Матвей Кузьмич задрал голову вверх, взглянул на верхушку дерева и улыбнулся.— А весна нынче ранняя, скоро с полей ручьи побегут,— проговорил он, смахивая с лица улыбку. Затем, словно невзначай, спросил: — Опять к Машке собрался? — Иван кивнул.— Не будешь ты счастлив с ею. Вот попомнишь мое слово — не будешь,— с грустными нотками в голосе сказал Матвей.

— Ты-то почему знаешь? — Иван взглянул на отца.

— Знаю,— ответил тот, глядя сыну в глаза.

— Ну, поживем-поглядим,— Иван отвел взгляд в сторону и нахмурил брови.— Я ненадолго,— сказал он и, скрипнув калиткой, вышел со двора. Пошел медленной походкой в сторону дома Семихвалынских, задвигая ногами потемневшую снежную кашу. Матвей Кузьмич долго смотрел ему вслед, затем вздохнул глубоко и, поправив на плечах сползший тулуп, направился в избу.

Николай Тютюнник

(г. Каменское Днепропетровской области, Украина)

КОТ ПО КЛИЧКЕ ЗАБА

почти невероятная история

(повесть)

Родился в Белгородской области, в шестилетнем возрасте переехал с родителями в Донбасс, где в молодые годы отработал 17 лет под землей. Позже много лет отдал журналистике и литературе. Член Союза писателей СССР с 1988 года, автор более тридцати книг стихов, повестей, рассказов, поэтических и прозаических романов, которые отмечены многочисленными литературными премиями. За перевод книги стихов Николая Рубцова на украинский язык отмечен литпремией «Золото переводов. Мастерство переводчика». Произведения переводились на болгарский, польский и литовский языки. Полный кавалер «Шахтерской Славы».

1

Заба появился на божий свет не в уютной квартире и не в частном доме, где бы могли проживать любящие животных люди, и даже не в теплом подвале многоэтажки, как результат любовных походов обитающей здесь бездомной мамы-кошки, а на шумной территории угледобывающего предприятия, а проще — шахты. Появился в каком-то полузакрытом и неглубоком каменном «колодце», где проходила большая и теплая от горячей воды труба, отчего здесь можно было даже спокойно переносить зиму. Но Заба и его братья и сестрички были мартовскими, поэтому про зиму еще ничего не знали, и удивленно смотрели широко раскрытыми глазенками на освещенные жгучим ветрим солнцем здания, на высокую гору террикона, по которой то взбиралась вверх, то опускалась вниз маленькая вагонетка. Впрочем, вагонетка была заметна разве что людям (да и те не обращали на нее никакого внимания), маленькие же темные комочки рассматривали то, что поближе: те же здания, те же вагонетки, которые одна за одной катились рядом с легким стуком и, конечно же, людей. Больших людей, иногда смирных и ласковых, когда те подсовывали котяткам кусочки хлеба или колбасы, и шумных, крикливых, пугающих и котят и кого-то еще своими криками:

— Сто-ой! Тормози-и! Забури-ились!

Что такое «забурились» ни Заба, ни его братья-сестры, конечно, не знали. Но знали, что после этого люди начинали кричать еще громче, злее, начинали материться и успокаивались только тогда, когда сошедший с рельсов вагон снова становился на место. Люди после этого снимали свои кепки, вытирали ими мокрые лбы. Иногда закуривали, лихо сплевывая слюну.

Как правило, вагонетки, которые направлялись к стволу, были загружены крепежным «лесом», то есть деревянными стойками, распилами, столбами,— всем, что необходимо для закрепления подземных выработок, чтобы ничто не падало, не валилось на голову, и можно было далее добывать уголь или углубляться к его новым пластам.

Ни Заба, который еще не имел никакой клички и только откликался на ласковое женское «кис-кис», ни его братья-сестры, ни даже их мама-кошка, исхудавшая в материнских заботах, не знали — что такое шахта. Да, конечно, и не узнают. Туда строго-настрого запрещен спуск какой-либо животине, будь то кошка, коза или собака. Исключением были только лошади, да и те еще совсем недавно опускались под землю не для прогулок, а для тяжелого каторжного труда. Но теперь под землей нет и лошадей. Их заменили электровозы. Озорные же парни-коноконы переучились на машинистов, сменив свои красиво плетеные кнуты на специальные рогообразные ключи от своих новых стальных «коней». Переучились, но характером не изменились, оставшись такими же весельчаками и скалозубами, готовыми в любой момент освистать и отбрить каждого, кто попытается подколоть их. Иногда машинисты сами, еще на поверхности, просматривали загруженные «лесом» вагоны, которые им предстояло сегодня доставлять в разные выработки. Заметив явно «бракованные», с плохо вращающимся колесом, бежали на лесной склад, ругались. Как было и сегодня.

— Куда ж вы грузите, гады такие?! Не видите, что бракованный?! Я ж потом за долбуть с ним, пока доставлю!

Грузчики лесного знали, что виноваты. Но кто же в этом признается?

— А нам некогда рассматривать,— огрызались,— бракованный он или не бракованный! У нас тоже наряд!

— Наряд у них... Враги какие-то!

Кляня и ругаясь, машинист бежал назад, готовый собственноручно выгрузить сейчас тот вагон, чтобы не пришлось под землей портить с ним нервы. Но пока добежал, гнев поутих. Кому охота выполнять дурную работу! Пусть опускают. Там, внизу, под стволом что-то придумаем.

Ближе к стволу перешел на шаг, и чуть было не наступил сапогом на темного, почти черного котенка.

— Тьфу ты, черт! А ты откуда еще взялся? Да еще черный.

Наклонился, взял Забу в руки, машинально посадил его на пахнущие смолой основные стойки, лежащие вровень с бортами вагонами. Посадил, убрав с дороги, чтобы кто-то случайно не задавил. А дальше что?

Забе так и не довелось испытать ласку человеческих рук. Над ним не сюсюкались с первых его дней взрослые тети, не визжали от восторга детишки, не брали его со временем на ладошки, не подносили к своим губам... Парень-машинист, кажется, был первым из людей, кто взял Забу на руки, но всего лишь на несколько секунд, чтобы убрать с дороги и посадить в вагон. Тот самый вагон, который, в числе других, будет отправлен в шахту.

2

Оказавшись в незнакомом месте, да еще и на невиданной для него высоте, Заба заволновался, начал вертеть головой, выискивая маму. Но мамы нигде не было, даже не слышался ее голос. Да и как тут услышишь, если вокруг столько шума: где-то перекрикиваются люди-человеки, где-то тарахтит на рельсовых стыках большая металлическая коробка, именуемая электровозом, где-то, опуская вагоны под землю, шумят натянутые в струнку канаты, где-то... Заба покрутился на месте, ощущая теплым животиком легкую сырость и прохладу еще не высохших стоек, которые прибывают на шахты из далекой сибирской тайги, попищал, но таким тонким голоском, что его никто не услышал. Он попытался перебраться со скользкой стойки на борт вагона, откуда можно было бы прыгнуть вниз, на землю, но вагон неожиданно дернулся, зазвенел сцепкой и вместе с другими вагонами покатился к стволу. Рывок был не сильный, но много ли Забе нужно! Он оскользнулся и упал в щель между стойками, почти на самое дно вагона.

Кричал ли он? Пищал? Наверное, кричал. Но кто услышит? Кто поможет? Может, услышала его мама, или, скорее всего, сердцем почуяла, что с одним из ее сыночков случилась беда, но и она не могла ему помочь. Женщины-рукоятчицы, отправлявшие вагоны в шахту, видели, как прибежала, мяукая, перепуганная кошка, как бегала вдоль вагонов, но понять ее, почувствовать ее материнскую боль так и не смогли. Отломил кусочек колбасы, положили подальше от рельсов, но бедная животинка на предложенную ей еду — ноль внимания. Если бы не непрерывный шум и лязг, которые стоят здесь при загрузке вагонов в клеть, если бы хоть на минуту воцарилась тишина, люди бы услышали, вернее — могли бы услышать из вагона жалобное мяуканье и вытащили бы несчастного Забу из вагона и отдали его встревоженной маме, но шум и звонкий металлический лязг не прекращались, вагон с котенком затолкали в клеть и дали сигнал опускаться.

Даже люди, здоровые и задорные донбасские парни, впервые опускаясь под землю, испытывают страх. Когда набитая людьми клеть, покачиваясь на канате, начинает все ощутимее набирать скорость, которая через десятки секунд почти сравняется со свободным падением, когда внезапно «закладывает» уши и голоса стоящих рядом начинают казаться отдаленными, когда металлический пол, кажется, вот-вот уйдет из-под ног, не много найдется храбрецов, которые не обратят на все это внимания, которые не заволнуются, крепко хватаясь за специальные поручни. Это уже со временем все они привыкнут к таким вот спускам и подъемам в клетки и будут при этом безостановочно болтать, рассказывая анекдоты или какие-нибудь забавные истории. И если при подходе к поверхности клеть начнет сбавлять скорость и неприятно дергаться, обязательно найдется какой-нибудь остряк и выдаст:

— Как так тянуть, так лучше б оборвалась!

Кто-то засмеется, кто-то в душе ругнется, а кто-то и осадит балбеса.

— Оторвало бы тебе, дураку, голову!

— Ха-ха-ха!

— Ги-ги-ги!

Выехав же на поверхность, кинутся, опережая друг друга, к ламповой и — в баню. Отработали — и слава Богу! Ведь могли бы и не отработать, и не выехать на поверхность, а если и выехать, то на носилках...

Догадавшись, что с ним случилось что-то страшное и непоправимое, Заба перестал пищать, закрыл глазенки и уткнулся носом в пахучую древесину. Вокруг что-то звякало, гремело, потом послышались отрывистые и неприятные звонки, после чего вагон полетел куда-то вниз, да так быстро, что у Забы помутилось в голове и сразу же исчезли все желания. Пусть уже не будет ни мамы, ни братиков и сестричек, пусть уже не будет ласкового солнышка, под которым они всем семейством грелись по утрам. Пусть ничего этого уже не будет, только бы исчез парализовавший его страх! Только бы исчез он сам.

Сколько длилось такое состояние — Заба не знал. Но через неопределенное время он вроде бы снова ощутил себя, почувствовал свои лапки и отчего-то замерзший нос. Почувствовал, что вагон, в котором он находился, снова оказался на рельсах и снова застучал на стыках. Из глубины вагона он не мог ничего видеть, только чувствовал, что его снова куда-то везут, но уже не по земле, а по какому-то полу мрачному, отдающему сыростью коридору.

3

Лебедчик Тихонович, который уже потихоньку собирал документы для оформления пенсии, в последнее время обслуживал в шахте два уклона: грузовой и люд-

ской, точнее — опускал по грузовому материалы, а по людскому — людей. Даже для него, некогда травмированного под землей забойщика, эта двойная нагрузка была не в тягость. В начале смены он «катал» по уклону людскую вагонетку, именуемую «козой», а когда все люди были опущены, а предыдущая смена выдана наверх, брал свою лампу и, прихрамывая, переходил на соседний, грузовой, уклон.

На грузовом работать было спокойнее, потому что туда никто не звонил, не требовал немедленно подать вниз «козу», не грозил, в случае задержки, наказанием, не желал... Ох, чего ему только не желали, узнав, например, что на лебедке какая-то поломка и людям придется топтать пешком! Или узнав, что «коза» где-то забурилась, то есть сошла с рельсов. Правда такое случалось довольно редко, потому что «путевые» серьезно следили за состоянием колеи в людском уклоне, по которому им приходилось опускаться и подниматься самим. Случалось, что на «козе» срабатывали «парашюты», такое себе приспособление, которое при порыве каната может спасти людей от гибели. Правда, иногда срабатывали эти «парашюты» и безо всяких порывов, стоило только лебедчику слишком быстро «раскочегарить» и напустить канат. Ох, и носят же тогда горнячки неумелого лебедчика, ох, и таскают же, как собака тряпку! А потом берут и накрепко прикручивают эти «парашюты» стальной проволокой! Теперь хоть обрыв, хоть что — полетит вагонетка «орлом», нигде не зацепившись, пока не врежется во что-нибудь внизу уклона!.. И если в ней будут люди, то... оставшиеся калеками позавидуют погибшим.

Тихонович был опытным лебедчиком, его эта шахтерская чаша миновала, но если случалась поломка механизма, то и он получал... не по заслугам.

Сегодня утренний спуск-подъем прошел без происшествий, и теперь Тихоновичу, худощавому, рано поседевшему и слегка сторбившемуся, что наводило людей на невеселые мысли о его здоровье, предстояло заняться спуском на нижний горизонт вагонов с «лесом». Вот только машинисты подгонят эти вагоны к уклону.

В помощниках лебедчику, как правило, состоят такие же пожилые шахтеры. Оклад здесь не велик, но и работа, что называется, не пыльная. Правда, покуда — тьфу-тьфу-тьфу! — вагоны не сойдут в уклоне с рельс. Особенно — груженные! Вот тогда-то и пыли понюхаешь, и горло надорвешь. Да и вообще можешь остаться без головы, если окажешься не слишком расторопным. «Сигнал» ведь на лебедку с места аварии подается... ударом молотка по металлической воздушной трубе! Иных сигнализаций нет. Стукнул два раза — значит, вниз. Стукнул три — вверх. Если нужно остановить — бей один раз. Стоп!

А если лебедчик за сотню метров не расслышал?!

Вот и лязят прицепщики под колесами забурившихся вагонов, вот и подкладывают под них разной толщины распилы, которые и должны вывести эти колеса на рельсы. И бьют молотком по трубе — сигналият. Увидели бы такую «сигнализацию» европейские шахтеры — сознания бы лишились!

Тихонович взял свою лампу, отбрасывающую на выработку мягкий синеватый свет, и пошел в сторону соседнего уклона. Еще издали заметил, что машинисты успели подогнать несколько груженных «лесом» вагонов, и решил сосчитать их, чтобы поделить потом состав на равное количество груза. «Лес» — не горная порода, «лес» намного легче. Можно будет прицеплять по несколько вагонеток.

Передвигался не спеша (с его-то ногой!), старательно переступая валяющиеся куски этой самой породы. Обходя лужу, почти прижался к борту одного из вагонов. И неожиданно услышал жалобное мяуканье. Сначала даже не поверил, приподнял насунующуюся на лоб фибровую каску, повертел головой. Вроде тихо. Потом снова: мяу... мяу... мяу... Мать честная, да неужели кошка?! И где — в вагоне? Поднял над головой свою лампу, высветил ровно уложенные стойки, присмотрелся. Так и есть —

котенок! Сидит в узкой щели между деревянными стойками и передним бортом вагона. В уклоне (потому и уклон, что наклонный) стойки сдвинутся и раздавят несчастного, как муху. Да как же ты там оказался, дурашка такой?! Как же ты мог туда забраться на своих слабеньких ножках? А ну, погоди-и, сейчас мы тебя-я...

Тихонович встал на сцепку, наклонился, пытаясь достать снова умолкнувший комочек. Котенок не сопротивлялся и оказавшись второй раз в руках человека, только комично тыкался своим розоватым носом в шершавые от мозолей ладони своего спасителя.

Да-а, история... Сколько лет проработал Тихонович под землей, но такого случая еще не было. Даже не слышал о таких случаях. Что же с тобой, горемыка ты наш, делать? А ну, давай-ка отнесу тебя к девочкам. Они что-нибудь придумают.

Женщин к тому времени специальным постановлением правительства из шахт уже вывели. Некоторые плакали: да мне же осталось полтора года до семи лет, а теперь потеряю весь подземный стаж!

Весь стаж не теряли. Но все равно размер пенсии теперь будет ниже. Как тут не заплакать. Тихонович тоже занял тогда после травмы «женское» место — место лебедчика. Пожалело, значит, правительство лучшую половину населения, отобрало у них металлические ручки управления, вывело из шахт и всучило им в руки... лопаты! Машите ими, дорогие вы наши, до пятидесяти пяти лет, дышите здесь, на поверхности, свежим воздухом. А то, что воздух пропах едкими парами горячего асфальта, который вам приходится укладывать,— эт ничаво-о! Работайте.

После ухода женщин мигом захирели их прежние рабочие места, в лебедочных камерах появился мусор, обрывки газет... Да и какой спрос с мужиков! Посмотрит, шмыгнет носом. «А кому оно здесь мешает?»

И все же было место, где по-прежнему работали женщины. Это был подземный медпункт, который располагался рядом с диспетчерской. Вот туда-то Тихонович и направился.

Углубление в выработке, где располагались медпункт и диспетчерская, и площадка перед ним были, наверное, самыми оживленными в шахте местами. За исключением, может быть, околоствольного пространства, где круглые сутки то опускали-поднимали людей, то принимали или выдавали на поверхность пустые вагонетки.

У диспетчерской находилось место сбора машинистов электровозов и десятников внутришахтного транспорта (со временем их станут именовать горными мастерами). Сюда же, на крепко сколоченные лавки, стекались и десятники вентиляционной службы, и взрывники-«запальщики», ранее времени поднявшиеся с нижних горизонтов. Здесь же, ожидая составы с крепежным материалом, дремали пред пенсионного возраста сцепщики. Особенно шумно и весело было в начале смены, когда появлялись демонстративно шумные машинисты, вечно веселые, заводные, жившие, в основном, в общежитии, где что ни день,— то какое-нибудь приключение! Вот и обсуждали теперь эти приключения громкоголосом, на всю шахту, матерясь и разряжаясь дурашливым смехом.

В соседнем медпункте иногда не выдерживали. Открывалась дверь, и на пороге появлялась раздраженная этой мальчишеским бесстыдством медсестра.

— Ну, и долго вы будете? Долго мне ваши матюги слушать?

Замолкали, неловко хихикая и смущенно переглядываясь. Но — не на долго. И тогда принимались уже другие меры. Снова распахивалась дверь, и молодая женщина выплескивала кружку воды на головы охальников. Но таким хоть ты им это... в глаза — им все Божья роса! Отскочили, заржали и, получив чертей от диспетчера, шли «седлать» своих железных «коней».

Когда Тихонович подошел к медпункту, на лавках уже никого не было. Поднявшись по двум ступенькам, по привычке постучал.

— Заходите, заходите! Кто там?

Тихонович, непривычно улыбчивый и загадочный, переступил порог.

— Я так и подумала, что — вы, — поднялась ему навстречу медсестра. — Только вы можете сначала постучать... Что случилось, Тихонович?

Тихоновичу почему-то захотелось поинтриговать, чего за ним никогда не замечалось.

— Вам тут не скучно? — спросил бодро, явно чего-то не договаривая.

Медсестра удивилась. К заигрыванию шахтеров ей не привыкать. Но Тихонович всегда такой степенный, пожилой...

— Да пока что не-ет, — неуверенно произнесла она, приглядываясь к лебедчику.

— Тогда вот, — не выдержал он и вытянул из-за отворота куртки котенка. — Принимайте!

— Ой! Что это? Котенок? Откуда он у вас? Где вы его взяли?

Тихонович потоптался. Передал маленького горемыку в руки взволнованной женщины.

— В вагоне нашел. Сидел там, пищал. Пусть побудет у вас, а то у меня работа.

— Хорошо!

— А я потом, под конец смены, зайду.

— Заходите, заходите.

Передав найденыша в женские руки, Тихонович протяжно вздохнул и, улыбаясь своим мыслям, направился к грузовому уклону. Там, наверное, уже его кинулись искать.

4

Заба (он вскоре и получит эту кличку) терялся в догадках: еще совсем недавно у него была мама, были братья-сестрички, были одетые в рабочую спецовку женщины, которые просто не могли пройти мимо их кошачьего семейства, поэтому всегда останавливались, делились своим, завернутым в газеты, завтраком... Наконец, было теплое ласковое солнце, под которым они грелись каждое утро. И вдруг — этот вагон, это страшное чувство, словно тебя бросили в глубокую яму, и ты летишь, летишь, не в силах даже мяукнуть. Потом еще какие-то резкие и неприятные звуки, которых кошачья порода вообще не способна переносить. Даже взрослые коты, услышав такое, прижимают уши, да и сами прижимаются к земле. А что было делать ему, еще не отвыкшему от маминого молока?

Теперь же снова смена обстановки: какое-то светлое, теплое помещение, какая-то женщина, глядящая его своими мягкими нежными руками. Положила в уголок, подсунула под самый носик что-то вкусно пахнущее... Что это — тоже колбаса?

Заба, успев проголодаться, тут же накинулся на угощение, по привычке стараясь прикрывать этот кусочек от братьев-сестер, однако, кроме него, здесь никого не было, никто не прибежал, откликаясь на приглашение — «кис-кис», никто не мог хватить у Забы из-под носа.

— Ешь, ешь, — ласково сказала медсестра. — Не бойся, никто не заберет.

Она подошла к раковине, тщательно вымыла руки с мылом. Чисто профессиональная привычка. Ведь в любую минуту может зайти кто-то из горняков, кому необходима медицинская помощь. Чаще всего это бывают легко травмированные — с ушибами, порезами, которые необходимо зафиксировать в специальном журнале. Потому что до завтра так может опухнуть, разнести, что человек не в силах будет выйти на работу. Такое случается нередко и считается делом обычным. Но бывают случаи и пострашнее. Тогда никто в медпункт не заходит, а просто раздается телефонный звонок...

Медсестре особенно запомнился прошлогодний случай, когда ее вызвали на не такой уж отдаленный участок, и она побежала туда пешком. Бежала, прихватив всегда оснащенную всем необходимым медицинскую сумку, бежала, даже не представляя, что придется увидеть. Только и услышала взволнованный голос какого-то рабочего: «человека затянуло...» Он даже назвал тот механизм, куда затянуло несчастного. Но назвал по-своему, по-шахтерски, применив какое-то придуманное ими же название. И у молодой женщины оно не отложилось в голове. Беда,— значит, надо бежать и хоть чем-то помочь. Помощь эта всегда называлась первой необходимой. Нужно было делать обезболивающие уколы, бинтовать, накладывать «шины», сопровождать носилки с травмированным до самого ствола, даже выезжать с ним на-гора. Туда же подсказывала и машина «скорой помощи», увозила очередного пострадавшего в больницу, в травматологию.

Но в тот раз никаких ее медицинских услуг уже не требовалось. Каким-то образом цепь транспортерного конвейера, по которому движется уголь, захватила и затянула в узкое пространство механизма молодого рабочего. Услышав его крик, нажали на кнопку «стоп», но было поздно. Изуродованный, теряющий последние силы, он понимал, что это смерть и молил глазами подползшего к нему на коленях друга: включи, чтобы затянуло дальше, чтобы скорее отлучиться...

Друг все видел, все понимал, но снова включить механизм не поднималась рука.

Тогда медсестре впервые довелось сопровождать на-гора не травмированного, а погибшего. Молодой, по моде, длинноволосый, он лежал на батарее электровоза и встречный поток воздушной струи развевал его белесые кудри. Она же шла рядом, держа в руках уже ставшую не нужной его каску, шла и вытирала холодные на ветру слезы...

Подкрепившись, Заба аккуратно облизнулся, чтобы на губах не оставалось ни единой крошки такой вкуснотищи, и вдруг заволновался, забегал из стороны в сторону, жалобно мяукая, словно заранее прося прощения, потом застыл и оставил после себя маленькую лужицу. Тут же принялся «зарывать» свои следы, старательно потирая лапками в сухом месте.

Но, как видно, опасался Заба напрасно, никто его за это не ругал, никто на него не кричал. Он даже сам удивился своим опасениям, не понимая — откуда эти страхи, ведь ему до этого не приходилось жить среди людей, не приходилось доставлять им дополнительных хлопот.

Медсестра взяла половую тряпку, вытерла лужицу. Поискав, нашла невысокий картонный коробок, поставила в тот же угол, где Заба так замечательно пообедал.

— Вот теперь твое место. Запоминай.

Покормили, погладили, уложили спать. В помещении уютно, тепло, сверху светит немного непривычное «солнце». Чем не жизнь? Но и засыпая, вспомнил про маму и братиков-сестер. Куда же они все делись?

5

Проснулся Заба от стука входной двери.

— Ну, как он здесь? — спросил Тихонович.

— Да ничего,— довольно отозвалась медсестра,— покушал и спит до сих пор.

Но Заба уже не спал. Он поднялся на все четыре лапки и, прогибая спину, потянулся.

— А-а, вот мы и проснулись! Так как вы его нашли, Тихонович?

— Да я же говорю: проходил мимо вагона и услышал писк. Заглянув внутрь, а он там на самом дне. Запросто могло стойками придавить.

— Неужели сам залез?

— Не похоже. Скорее, кто-то сверху посадил, а он вниз свалился.

— Ох, ты, горюшко маленькое!

Тихонович склонился над своим найденышем, начал рассматривать, словно перед ним была какая-то невидаль.

Медсестра только наблюдала.

— Что ж вы решили, Тихонович, — рассчитываетесь?

Тихонович понимал — о чем речь и всегда был готов к такому разговору.

— А что нам, молодым, не женатым! — выпрямившись, бодро ответил он. — Для кого мне дальше работать? На одного мне и пенсии предостаточно.

Тихонович жил один. Ни детей, ни жены. Жена, правда, была. Была, да сплыла. И так не по-людски, так бессовестно, что по сей день не проходит горечь.

Выжив после травмы, Тихонович все равно потерял здоровье. Разумом понимал, что, как мужчина, Галину теперь не сможет устраивать (он стеснялся слова «удовлетворять»). Поэтому постепенно настраивал себя на любые неприятности, хотя жена никогда не казалась ему жадной до любовных утех и не требовала от него мужских сверхспособностей. И все же, как говорится, живой человек, молодая, не достигшая сорока лет женщина. Случись, сорвется, придется закрыть глаза. А что делать?

И как-то, вернувшись с работы, застал у себя в квартире незнакомого мужика, — коротконого, белобрысого, с заметно выпирающим брюшком.

— Знакомься, брат приехал, — без тени смущения сказала Галина.

— Какой брат? — неуверенно улыбнулся Тихонович. Знал же, что никакого брата у его жены отродясь не было.

— Двоюродный брат, — уточнила она. — Хочет устроиться на шахту, а пока у нас поживет.

Двоюродный брат оказался веселым и смешливым. Тут же подскочил к «родственнику», начал трясти протянутую руку. Он и сам постоянно трясся от своих же шуток-прибауток, успев еще до застолья рассказать десяток анекдотов. Галина молодое, по-девчоночьи, смеялась, не понятно отчего горя глазами. Тихонович тоже не считал себя красавцем, но все-таки, как говорится, вышел и ростом, и лицом, хоть и получил в наследство от родителей задумчивый, даже стеснительный характер. И если поставить их рядом, то «двоюродному братцу» наверняка расхотелось бы веселиться. Однако, веселился и, что-то рассказывая, подсакивал к Галине и толкал ее пальцем чуть повыше груди. Она это замечала, но воспринимала все «по-родственному», даже не пытаясь слегка отстраниться.

Нехорошее что-то поселилось тогда в душе Тихоновича, какие-то неясные подозрения. С тяжелой душой уходил он на работу, оставляя жену с ее родственником. А возвращаясь назад, задерживал тоскливый взгляд на сверх аккуратно убранной постели. И через неделю, отработав и вернувшись домой, увидел записку: «Это не брат, это мой новый муж. Прощай».

Тихонович не повесился и не спился. Только стал обходить соседний доминошный столик, где раньше любил забивать с мужиками «козла». Чувствовал, что при его появлении даже им становилось неловко, перестали шутить на любовные темы и старались не встречаться с ним взглядом...

С тех пор Тихонович переключился на рыбалку, почти все свободное время, если, конечно, позволяла погода, проводил с удочкой на местном пруду, ничуть не тяготясь одиночеством и, как правило, бедным уловом. Да и тех несколько карасиков всегда скармливал по дороге встречным котам.

— Так что доработаю и — хватит! — тем же бодрым голосом повторил Тихонович, словно боялся, что ему не поверят. — Буду сидеть себе с удочками... Красота!

Придешь, бывает, а на ставке еще туман, легкая сырость... Я люблю легкую сырость, когда хочется закутаться в теплую куртку, согреться. А потом туман постепенно редет, поднимается солнце. Птицы вокруг! И так приятно, так радостно на душе от всего этого покоя, от этой благодати и красоты! И уже не важно — поймал ли ты рыбешку, или даром просидел, — ничего не важно. Важно, что ты еще жив, любишь всем этим. Радуюсь жизни. И думаешь: а кто-то же сейчас под землей, дышит газом и пылью, надрывая себе жилы. А кто-то из ровесников и не дожил, уже давно покоится под крестом... У каждого своя судьба. И каждый по-своему радуется жизни. Медсестра, заслушавшись, молчала. Будто впервые видела его.

6

В тот день они решили на время оставить Забу в медпункте. Пусть немного окрепнет. А вскоре он и получил эту, необычную для животных, кличку.

— У, какой черный, — засмеялся диспетчер, — впервые увидев маленького новосела. — Как забойщик!

Забойщик, — и забойщик. (То есть шахтер основной подземной профессии, добывающий уголь). Так и прозвали они нового подземного жителя Забойщиком, а для удобства произношения — Забой.

Заба, на удивление, быстро освоился, и уже через неделю самостоятельно гулял не только на «пяточке», где располагались диспетчерская и медицинский пункт, но начал интересоваться и более дальними «просторами». Медсестра и ее сменщицы, обнаружив его исчезновение, выходили из своего помещения, оставляя дверь открытой, и начинали кликать:

— Заба! Заба! Кис-кис-кис!

Заба не важничал и не умничал: зовут — надо идти! Тот час же возвращался, доверчиво терся о ноги своих хозяек.

— А ну, пошли домой, бесстыдник!

Когда выпадала смена, всегда заходил и приносил угощение Тихонович. Заба сразу же узнавал своего спасителя и, комично подняв хвост, мчался ему навстречу. Вообще, надо признать, он за короткое время стал тут всеобщим любимцем и если бы смог поедать все его каждодневные угощения, то уже через месяц превратился бы не просто в огромного кота, а целого тигра. Но Заба пока оставался в возрасте котенка, поэтому и съестные припасы поглощал по мере требования маленького организма, и все же начал круглеть, заметно поправляться, удивляя всех густой и лоснящейся шерстью.

Вкусная и полезная пища (а такой колбасы, которая продавалась в те годы в Донбассе, не видели ни в одной области тогдашнего Союза!) придала Забе не только красоты, но и сил. При нынешнем изобилии он, наверное, смог бы самостоятельно выбраться из того вагона и даже залезть на самое высокое дерево. Жаль только, что под землей нет никаких деревьев, одни темные угрюмые «коридоры», по которым ходят люди и ездят вагоны. Признал нашего Забу и парень-машинист, который без злого умысла посадил его тогда в вагон со стойками. Признал и прояснил ситуацию, рассказав, как случилось, что нынешний всеобщий любимец оказался в шахте.

— Разве ж я мог тогда подумать... Посадил и побежал. Ничего, я хоть сегодня вывезу тебя на-гора!

Однако под землей уже привыкли к потешному, быстро взрослеющему котенку. Да и будет ли ему лучше там, на земле, на территории шахты, где круглые сутки не прекращается работа, где так и снуют опасные для животных вагоны и куда забредают бродячие собаки. Это уже вопрос.

А здесь маленький путешественник — словно сыр в масле! Все его кормят, все гладят. Вот только с мышами, которых и под землей достаточно, особенно в тех местах, где шахтеры устраиваются завтракать, у Забы дружбы не было. Да и какая может быть дружба между потенциальным хищником и его жертвой? Правда, на роль хищника Заба никак не подходил: ласковый, мягкий и доверчивый. От изобилия еды у него так и не прорезался инстинкт охотника, которому изначально надлежало бы истреблять этих мышей. Он не желал с ними возиться даже ради забавы. Мыши это быстро поняли, перестали убегать, и только с интересом поглядывали из щелей на прогуливающегося рядом зверя, каких под землей никогда не было.

И спустя месяц Забу невозможно было узнать — так вырос, так округлился и так освоился в своем подземном царстве. Он уже самостоятельно добирался до одного и другого уклонов и без происшествий возвращался назад. Вечной темнотой Заба, по всему виду, тоже нисколько не тяготился. Ведь каждому известно, что для семейства кошачьих самое удобное время для охоты — ночь. А стало быть, и темнота. И Заба лучше любого шахтера ориентировался теперь в подземной темноте, за десяток метров уступая дорогу спешащим на-гора шахтерам или постукивающему колесами составу. Он все меньше времени проводил в медицинском пункте и медики к этому привыкли, хотя, приходя на смену, первым делом интересовались:

— А Заба где?

— Шляется где-то! — с напускной обидой отвечала сдающая смену. — Совсем от рук отбился!

— Ничего, есть захочет — прибежит.

И Заба всегда возвращался, легонько скреб укрепившимися когтями дверь.

А то как-то забрел в лебедочную камеру, где работал Тихонович. И старый шахтер обрадовался ему, как радуются внукам! Перво-наперво покормил, хотя Заба и без того уже плотно позавтракал, но для приличия обнюхал кусочек колбасы, съел половину. Тихонович не обиделся, знал, что его найденьша кормят все желающие. Странновато, конечно. Многие из тех, кто ухаживает сейчас за этим котиком, не замечают его сородичей, бегających там, наверху, на поверхности. Не замечают, а то и обижают, отталкивая при случае ногой от своей двери. А здесь, в шахте, становятся такими внимательными и добрыми! А может, ничего странного и нет. Обыкновенное человеческое сочувствие: тоже ведь «шахтерик», подземный житель, давно не видевший солнца.

Еще раз подзаправившись, Заба начал обследовать помещение. Нет, здесь не так светло и уютно, как в медпункте. Там чистота и яркое освещение. Там коробка с мягкой подстилкой и блюдец. Здесь же, как и на уклоне, грубые металлические крепления да еще огромный «барабан» подъемной машины, на котором многочисленные витки крепкого каната. Заба уже начал присматриваться к этому «барабану», рассчитывая, что Тихонович позволит его обследовать, но тут зазвонил телефон, который всегда пугал Забу, и Тихонович на звонок включил свою машину. И огромная, по сравнению с маленьким Забой, машина «барабана» начала понемногу крутиться, набирая и набирая обороты. Да если бы молча, а то ведь с каждой секундой все возвышая и возвышая гул, переходящий в свист!

Заба запрыгнул к Тихоновичу на сиденье, прижался к нему, закрыв от страха глаза. Тихонович накрыл его своей, пропахшей машинным маслом, ладонью и начал поглаживать. Гладил, пока не опустил груз на нижний горизонт, пока не выключил свою лебедку. И уже догадывался, что после такого испытания Заба вряд ли покажется здесь хотя бы еще раз.

Заба действительно всерьез перетрусил (разве он виноват, что все коты и кошки не переносят резких звуков!) и как только лебедка умолкла, задал стрекача! И не ку-

да-нибудь, а напрямком в медпункт, ловко ориентируясь в полутьме и даже обегая редкие лужи просочившейся из трубы воды. Прибежал, поскреб в дверь и его с радостью впустили.

7

Шло время. Заба настолько привык к своему положению подземного жителя, что уже не мог вспомнить свои предыдущие дни и месяцы, проведенные там, на земной поверхности, не мог вспомнить свою маму-кошку и братиков-сестричек. Ему теперь и в голову не могло прийти, что где-то существует совсем иной мир, где под огромным синим небом, в котором купается ласковое теплое светило-солнце, много света, много зелени, много травы и деревьев... Да и как могло прийти, если он начисто забыл, что все это существует в природе. Он был полностью доволен своей жизнью и не представлял себе никакой иной. Обследовав все мало-мальски интересные места вблизи своего медпункта, он, сам не зная почему, заинтересовался высокими креплениями рядом с диспетчерской и не понятно каким образом забрался наверх. Теперь с высоты ему хорошо было видно всю «площадку», где периодически собирались машинисты и другие шахтеры, видно было, как внизу, прямо под ним, проносились вагоны, которые теперь ему были не опасны, и Заба остался этим очень доволен. Тем более что снизу он был не заметен, и медсестра тщетно звала его, поглядывая в разные стороны.

— Заба, Заба-а! Кис-кис-кис!

С тех пор, с каждым днем взрослея, Заба частенько забирался на свою «смотровую площадку», ложился на живот и довольно наблюдал за происходящим внизу. Соседние мыши, разгадав его добродушие, чуть ли не ходили по нему пешком и уже начинали сомневаться: действительно ли это животное — тот самый страшный зверь, кот? Когда Забе надоедало их топтанье, он приподнимался на лапы, мыши падали с него и с восторженным писком бросались прочь! Они словно дразнили его, как порой детишки дразнят захмелевшего прохожего.

Но в один день все изменилось.

В этот день, Заба это хорошо запомнил, сосед-диспетчер был особенно строг, заставил своих подчиненных, машинистов, навести вокруг диспетчерской чистоту, убрать все бумажки, все валяющиеся кусочки породы. Даже вынес из своей диспетчерской довольно потрепанный веник и приказал «площадку» подмести.

Забе не понравилась поднятая парнями пыль. Он несколько раз мучительно чихнул и, минуя поборников чистоты, привычно взобрался на свое полюбившееся место: вы работайте, а мы полюбуемся.

Быстро управившись, машинисты дружно разъехались по своим участкам, и Заба решил, что на этом все интересное и закончится. Но вскоре, со стороны ствола, показались длинные яркие лучи ламп, которые именуются «надзорками». Заба еще не знал, что такие лампы бывают только у начальства, которое и впрямь надзирает за рабочими. Потянуло с той стороны и одеколоном, указывая, что среди надзора есть и женщины. Но такие тонкости Заба, конечно, знать не мог. Поэтому только уместился поудобнее, чуть ли не свесив голову вниз.

Лучи «надзорок» плясали по всей выработке, снизу вверх, словно что-то выискивая, пытаясь выявить то ли нарушения паспорта крепления, то ли недопустимое расположение электрических кабелей. На то он и надзор, или даже комиссия, чтобы «выявить и наказать»!

Заба замер и неотрывно следил за этими, до синевы яркими, лучами. Следил, словно замороженный, широко открыв глаза. Столько яркого света в шахте ему еще не приходилось видеть. И тут один из этих лучей больно полоснул ему по глазам!

— Ой! — вскрикнула какая-то женщина. — Господи, что это?!

Теперь Заба попал уже в перекрестные лучи, словно вышедший на цель бомбардировщик. Он вздрогнул, зажмурился, вжался в металлическую балку. А ведь уже думал, что в шахте для него все знакомо, все изведано, и бояться теперь здесь совершенно нечего!

Испугалась не только женщина. Видать, слегка перетрусили и мужчины. Поди, догадайся, — что это?! Неужели таких размеров крыса? Так... не похожа! В густой шерсти!

— Эй, диспетчер! — позвали издалека. — Это что у вас за звери здесь... находятся?

Выскочил диспетчер, даже забыв предварительно надеть каску. Кинулся, чуть ли не кланяясь, навстречу обещанной высокой комиссии. Поймал взгляд начальника шахты.

— Кот, Константин Петрович! Обыкновенный кот, задержался... значит... тут...

Начальник вытаращил глаза.

— Да вы что, мать... — но вовремя сдержался, оглянулся на женщину, которая до сих пор не могла прийти в себя. — Да вы что здесь, зверинец мне развели?! Ну, я с вами еще... — погрозил кулаком.

Заба сидел не шевелясь, только водил своими, горящими в свете ламп, глазами.

Начальнику шахты, видно, было неловко перед комиссией. Нечего сказать, — прославился! Теперь пойдут разговоры и насмешки, что на «Глубокой» под землей обитают коты. Комиссия из области, стало быть, слухи дойдут и до министерства. Специально, конечно, никто об этом докладывать не станет, а вот за столом, за рюмкой, наверняка вспомнят и посмеются.

— Ладно, — махнул начальник рукой, словно не придавал случившемуся серьезного значения, — давайте к делу! Где мехдоставка?

— На верхней площадке, — услужливо и скороговоркой ответил диспетчер. — Ждет вас.

— Ждет... — буркнул начальник. — Мы на нижний горизонт. И пусть ожидает, пока не справимся.

— Конечно, Константин Петрович! — чуть ли не откозырял диспетчер. — Будет ожидать. А кота мы сейчас... спровадим!

Уж лучше бы и не вспоминал! Начальник снова прожег его взглядом и повел комиссию к людскому уклону.

Бедный Заба, всеобщий любимец! Правду говорят люди, что от любви до ненависти — один шаг! Что ему только не пришлось теперь услышать!

— Заба, черт паршивый! Где ты, сука, на мою голову взялся! Чтоб ты сдох на пузе! А ну, иди сюда! А ну, слазь оттуда! Я кому сказал!

Перепуганный Заба не знал, что делать. Поэтому даже не пошевелился, только прижал уши. Видя это, диспетчер начал искать хоть какой-то кусок породы. Все подмели, чертовы «конононы»! Все подчистили. По его же указанию.

Пришлось махать руками, затем снятой курткой.

— А ну, слазь оттуда, тебе говорю! Слазь!

На эти крики вышла медсестра, догадавшись, что высокая комиссия прошла мимо.

— Где ты там сидишь?! — набросился диспетчер и на нее. — А ну, забирай своего обормота и чтоб духу его здесь не было! Через пару часов будут возвращаться, и мы вместе с твоим котом вылетим с работы!

Перепуганная медсестра не знала что отвечать.

— Заба! Заба! — сдерживая волнение, позвала она. — Кис-кис-кис!

Но Заба уже догадался, что случилось что-то непредвиденное и надо быть осторожным, не доверяя никому. Поэтому не откликнулся, только попятился назад, по стальной балке, откуда его и так никто бы не смог достать.

— Не надо на него кричать,— все же осмелилась возразить медсестра.— Он испугается и вообще забежит куда-то.

— Пусть забегает! Глаза бы мои его не видели!

Выкрикнув это, диспетчер побежал в диспетчерскую. Не дай Бог, еще лебедчика не окажется на месте, тогда начальник уж точно выгонит его с треском.

Прибежал, позвонил, успокоился. Даже пожалел бедного кота. Знал же, что не по своей воле тот оказался в шахте.

8

Да, такого поворота дела Заба, конечно, никак не ожидал. Носились с ним, как с человеческим ребенком, наперебой подкармливали, гладили. Никто и ни разу не прикрикнул, не обругал, не оттолкнул с дороги. Ходил себе, гулял, где хотел, ни у кого не спрашивая на то разрешения, и уже решил, что вся эта территория принадлежит ему. И вдруг появились в сиянии множества лучей какие-то пахнущие одеколоном люди, сначала испугались сами, а затем напугали тех, кто здесь работал. И напугали так, что один из них, диспетчер, стал с Забой невыносимо криклив и груб, добрая же и всегда ласковая медсестра, наоборот, почти потеряла от страха голос. Теперь вот стоит, зовет. А голоса нет.

Не дозвавшись своего приемыша, молодая женщина тоже вспомнила о своих первейших обязанностях, повернулась, ушла в медпункт, но дверь оставила приоткрытой. Чтобы Заба, одумавшись, мог в любую минуту прибежать, проскользнуть внутрь помещения, где ему всегда было очень тепло и уютно. Но Заба продолжал сидеть на прохладном, укрытом легкой ржавчиной металле, и не знал, что делать дальше. Поймать его здесь никто не сможет. Даже если кто-то из машинистов залезет наверх. Заба все-таки кот, а про кошачью ловкость слышал каждый. Один короткий прыжок — и по-ойдет гулять поверх многочисленных креплений, где столько разных щелей и лазеек, что не обследуешь и за год! Правда, все это не безопасно. Все-таки шахта, можешь не только хвост, но, как говорят сами шахтеры, и голову там оставить. А как потом Забе без головы?

Оставшись один, Заба, против обыкновения, не задремал, мирно мурлыча, а, наоборот, наострил свои уши. Куда это звонил по телефону диспетчер? Кому это он приказывал срочно приехать? И чей это электровоз резервным ходом приближается сюда?

То, что электровоз подходил резервом, то есть, без вагонов, Заба уже мог определить. Значит, диспетчеру нужен был сам машинист. И очень срочно, иначе бы не звонил, не отрывал от работы. И у Забы неприятно похолодело в животе. Он минутку поразмыслил,— что делать дальше. Лучше бы, конечно, спуститься — да в медпункт, на отведенное ему место. Но ведь там рядом обозленный чем-то диспетчер! Чем Заба не угодил ему?

Непонимание своей вины удручало более всего. Выходит, можно было и впредь нарваться на неприятность. И какое затем последует наказание — одному диспетчеру известно.

Тем временем подкатил электровоз. Резко затормозив, закачался, словно морской катер, носовой качкой. Машинист привычно щелкнул ключом, выскочил из кабины и напрямик в диспетчерскую. Видно, еще не знал — зачем так срочно понадобился.

— Поймать, и с первой же клетью его на-гора! — послышался зычный, переходящий на крик голос диспетчера.— Бегом!

Теперь все ясно! Забе даже не нужно было понимать человеческую речь, чтобы его тут же осенило: по его душу! Значит, нужно рвать когти! Он не стал дожидаться,

когда молодой, проворный паренек, желая мигом угодить начальнику, взберется на верхнюю балку крепления и стащит Забу за шкирку вниз. Вот вы, значит, какие, друзья хорошие! Тогда прощайте! Он и без вас проживет!

Пока парень бегал вниз, пытаясь высветить место, где обычно располагался ставший неудобным кот, смысленный Заба спокойненько покинул свое лежбище, перепрыгнул с плоской балки на верхняк полуовального крепления, откуда его нельзя было высветить даже лучом лампы-«надзорки», и мог бы затаиться там хоть до конца смены, когда вредный командир машинистов отправится на-гора. Но каким-то чутьем догадался, что ему теперь и впредь не видать покоя, что преследовать и ловить его будут и другие, пришедшие на смену и этому диспетчеру, и этому машинисту.

И, без малейшего звука, без малейшего шороха, как умеет только кошачья порода, полез дальше, с крепления на крепление, между каменными выступами и влажным от сырости металлом, где местами почти не было никакого пространства. Его запах тут же уловили незнакомые Забе мыши, поэтому тревожно запищали, попрятались в совсем уж крошечные расщелины. Заба испугался, что эти пискунки могут выдать его своими тревожными голосами, поэтому спустился ниже, выглянул наружу. Полутьма, рядом никого, лишь в стороне диспетчерской мелькают огоньки ламп.

Заба успокоился, спрыгнул вниз и легкой тенью побежал дальше. Побежал, куда глядят его горящие в темноте глаза...

9

Каждый день, приходя на смену, Тихонович заходил в медпункт.

— Ну, что,— не было?

— Не было,— вздыхала медсестра.— Как в воду канул.

— Да-а...

На этом «да-а» их разговор и заканчивался. Медсестра знала, что Тихонович добирается последние дни и даже подал заявление на расчет. В связи, так сказать, с выходом на заслуженный отдых.

Что заслуженный,— то заслуженный. Как спустился под землю в восемнадцать лет, так всю жизнь здесь и проработал. Даже получив тяжелую травму. А теперь — все! Теперь прощай, шахта! Прощай, кормилица. Можно было бы, конечно, пару годков прихватить, работа не тяжелая, на кнопках. Да надоело все-таки каждый день надевать эти «шахтерки», опускаться под землю... И, главное,— для чего ему лишние деньги? Для кого?

Еще неделю назад Тихонович не прочь был поговорить об этом с каждым, кто интересовался его планами. Теперь же и медсестра не спрашивала, и ему самому не до разговоров о пенсии. Не выходит из головы этот чертушка Заба. Неужели где-то придавило? В шахте ведь опасностей хоть отбавляй. Не под колеса, так... где-нибудь за креплением прижмет. Или привалит.

— Да-а,— словно в раздумье, повторил Тихонович и, не поднимая глаз, вышел.

Пошла уже вторая неделя, как Заба исчез. Неужели вправду обиделся или почувствовал какую-то для себя неприятность? Так не зла же ему хотели, а всего лишь вывезти на поверхность. Оно ведь и вправду непорядок: домашнее животное, а разгуливает по шахте!

Диспетчер не осмелился сказать начальнику шахты правду, наплел, что машинисты поймали, вывезли на-гора и отнесли за террикон. Пускай, дескать, теперь погуляет в чистом поле! А что, если Заба объявится да снова попадет на глаза начальнику?! Даже не начальнику шахты, а кому-то из более мелкого руководства? Сразу побегут и заложат, что диспетчер соврал. Ведь про кота этого, будь он неладен, знает теперь вся шахта!

Диспетчер нервничал, наказывал своим машинистам смотреть во все глаза. Может, где-то и заметят беглеца. Не здесь, так на нижнем горизонте. Он, зараза, шустрый, может оказаться и там. Если еще живой.

10

Старая полуслепая крыса тяжело доживала свои, отмеченные одиночеством, дни. Когда-то, еще при лошадях, которые находились в соседней подземной конюшне, у нее была большая и шумная семья. И что только ни делали с ними: и подбрасывали отраву, и швыряли в них кусками тяжелой породы, и проклинали, кто как мог, а они жили себе семьей и не тужили. Да и то спросить: за что такая немилость к ним, подземным старожилам? За то, что иной раз уворуют чей-то завернутый в газету завтрак? Или напугают лошадь? Зато никто, кроме их, крыс, не сможет заранее почувствовать обвал, никто не подаст знак: ребята, бежим! Вот как только крысы побегут, так сразу же срываются с места и люди, шахтеры. А не прислушаются, не побегут следом, оставляя опасное место,— запросто угодят под обвал. А там уж как кому повезет. Одному только ногу прибьет, другому по голове достанется, а кого-то и с головой накроет! Покуда откапают, а человек уже и не дышит.

И никакой же тебе за такое предупреждение от людей благодарности! Мало того, что вывели из шахты лошадей и крысиное семейство почему-то пошло на убыль. Так нашли еще какой-то особый яд, от которого вымерла потом, считай, вся семья. Старая крыса тогда была совсем молоденькой, прошаталась где-то целую ночь, а когда вернулась к своей норе, увидела мертвыми всех своих сородичей. У нее хватило ума не тронуть валяющиеся остатки отравленного мяса, поэтому и осталась жива. Полуживой оказалась и одна из ее сестер. Долго болела, но все же выздоровела, и они, считай, до последнего жили вместе, вместе старясь и ненавидя людей.

В оставленной лошадьми конюшне был оборудован склад взрывчатых материалов. Поэтому вход на его территорию был огорожен решеткой, за которую пропускали далеко не всех. Не пропустили бы и старую крысу. Но она знала другие проходы, или лазы, совершенно с другой стороны. И страстно мечтала о мести, которую ей подсказала когда-то еще ее бабка. Где-то под утро людей, не занятых делом, буквально сваливает сон. Тогда они ничего не видят и не слышат. И можно незаметно подобраться и отгрызть у них... подушечки пальцев!

Почему именно подушечки пальцев,— бабка-крыса не уточнила. Может, это самое вкусное у людей место, а может, и самое болезненное. Но, по ее словам, крысы так поступали всегда. И мысль о такой мести не покидала старую никогда.

Она даже заметила одного из дежурных в этом складе, выдававшего проходчикам взрывчатку. Старый такой, шаркающий подошвами. Наверняка до утра не выдерживает, засыпает в ночное время. Будет знать, как травить крыс! Даже если травил не он — другие. Все эти люди одним миром мазаны.

Старая крыса дождалась, когда дежурный старик появится в ночную смену, потому что время суток определяла безошибочно. Дождалась, когда он выдал по сумке взрывчатки двум шахтерам, а затем надолго застыл, сидя на деревянном топчане. Скорее всего, ждал, что придут и другие бригады, которым тоже предстояли взрывные работы. Когда придут, - никому не известно. Все зависит от того, насколько быстро обурят забой. Поэтому старик долго не ложился, сидел, слегка покачиваясь, готовый в любую секунду откликнуться на чей-то насмешливый крик:

— Эй, дед! Что там — спишь?!

Старая крыса могла бы себе спокойно пробраться в склад лишь ей известными путями, проверенными норами, но захотелось побравировать, зайти через ре-

шетку, чтобы той же дорогой выскочить назад. Крыса уже злорадно представляла, как после ее укуса старина дернется, вскрикнет, начнет махать рукой, разбрызгивая во все стороны капли крови, и спросонья не сразу догадается, что произошло. А она за это время успеет выскочить, спрятаться в свою нору. Но спрятаться неглубоко, чтобы слышать, как старый ругается, топая от бессилия ногами и проклиная и без того всеми «трижды проклятых крыс». Старая крыса даже с удовольствием бы засмеялась, но смеяться она не умела. Оскаливать зубы — это пожалуйста! Злобно пищать — тоже без труда. Даже почувствовать какую-то, таящуюся в выработках, опасность, — все ей под силу. И... и вдруг почувствовала ее.

Нет, это был не обвал, способный запечатать огромными камнями, именуемыми в шахте породой, всю выработку. Здесь была опасность иного рода. Опасность от присутствия... живого существа. Снова лошади? Так нет, лошадей ни одна крыса не боится. Огромные, сильные, способные своими копытами размазать любую крысу, они все-таки побаиваются ее сородичей, побаиваются их острейших зубов.

Нет, это была не лошадь. Но что?!

Уже приблизившись к решетке, за которой почивал старый шахтер, крыса остановилась, повертелась во все стороны, стараясь не пропустить никакой мелочи, таящей в себе неожиданную опасность. И тут увидела... его! Что-о это-о, неужели кот?!

Как она, родившаяся и прожившая свою жизнь под землей, могла догадаться, что это кот, извечный недруг наземных крыс, — никому не известно. Но генетическая память подсказала, что это — враг, и враг опасный, которого крысе нужно атаковать первой. Старая, подслеповатая, но хорошо чувствующая врага, она приняла свою извечную боевую позицию, нервно пошевелила торчащими, как у кайзеровского фельдфебеля, редкими, но жесткими усами, и кинулась на откуда-то взявшегося кота. Кинулась на Забу.

11

В тот день Тихонович тоже работал в ночную смену. И это была его последняя смена в шахте. Он специально подсчитал так, чтобы утром выехать на-гора, сдать на склад еще не потрепанную спецовку, каску. Сапоги, еще добротные, кирзовые, он не сдавал, потому что они были его домашние, купленные в магазине. Будет в чем ходить осенью на рыбалку.

Что еще предстоит ему сделать в последний день его пребывания на шахте?

Вот только подумал об этом, и такой тоской обволокло душу! И чего — казалось бы! Всю рабочую неделю шахтеры ждут того выходного, чтобы не опускаться в шахту. Весь год считают месяцы до желанного отпуска, даже если придется провести его не на морском курорте, а на клочке земли, именуемом дачей. А тут тебе бессрочный отпуск, до конца твоих, не таких уж и долгих, лет. Отдыхай и радуйся, благодари Бога за каждый новый день. И вдруг эта тоска! По этой, пропахшей шахтой спецовке, что ли? Или по самой шахте, с ее пылью, газом и всевозможными опасностями, которые постоянно подстерегают человека? Да пошло оно все к такой матери!..

Можно, конечно, и ругнуться, и послать все это куда подальше. Но тоска от этого не пройдет. Потому что это тоска по юности, которая прошла под этими подземными сводами, тоска по всей твоей шахтерской жизни, которая уже покатила под крутой уклон, тоска по верным друзьям, которых и забрала эта шахта. Да и вообще: что такое — эта шахтерская льготная пенсия. Колхозник проработает до шестидесяти, а потом еще лет двадцать-тридцать проживет. Шахтер же выйдет на пенсию в пятьдесят, а сколько лет еще протянет — самому Богу известно. Может, пять, а может и год...

Передав смену, Тихонович попрощался со сменщиком, пожал ему руку. Потом еще раз зашел в диспетчерскую и под конец — в медпункт.

— Ну, что — не приходил? — уже безо всякой надежды спросил медсестру и скривил в полуулыбке сухие губы. Будто извинялся за ежедневный вопрос. И по глазам понял, что Заба так и не нашелся.

— Тогда до свиданья, оставайтесь здесь с добром, а я уж свое оттрубил,— покачал головой.— Не поминайте лихом.

Медсестра быстро подошла к нему, коротко чмокнула в щеку.

— Если найдется, мы вам сообщим.

И Тихоновичу эти слова были приятнее любых добрых пожеланий...

Подойдя к стволу, Тихонович увидел знакомого с юности старика, который в последние годы выдавал на складе взрывчатые материалы.

— Что это ты с сумкой? — спросил его с легкой иронией.— Сухари собираешь?

— Ага, сухари! — почти выкрикнул тот, как всякий плохо слышащий человек.— Это ж у вас там, на уклоне, кот прижился? Который потом исчез?

Тихонович от неожиданности замер, уставившись на мешок своего давнего приятеля.

— Ну, так и что?!

— Крысу у меня на складе задушил! Я как раз придремал малехо, потом слышу визг, писк...

— Так, а сам он, кот, живой?! — перебил его нетерпеливо Тихонович.— Живой?! Старик развязал сумку.

— На месте еще дышал. Но весь покусанный!

— А ну, дай-ка мне!

Тихонович развернул сумку, поднес ее повыше к электрическому светильнику. Заба, весь в ранах и засохших пятнах крови, лежал неподвижно, и только веки закрытых глаз его нервно подергивались.

* * *

Заба поправился довольно быстро, и Тихонович чувствовал себя по-настоящему счастливым человеком. Теперь они жили вместе, вместе по вечерам смотрели телевизор, вместе сидели на лавочке у подъезда, на удивление и зависть словоохотливым соседкам. Но более всего Забе понравилось рыбачить. И как только Тихонович начинал обувать свои кирзовые сапоги, которые в те годы были самой удобной обувью как под землей, так и в работе по хозяйству, Заба подсказывал к нему, терся мордашкой о ноги хозяина, мурлыкал. Дескать, смотри же, не забудь и меня!

Да кто ж тебя, дурашку, забудет! Ведь как бывает Тихоновичу радостно, когда он вытаскивает из воды очередную рыбешку и, сняв с крючка, бросает мурчащему от нетерпения другу! Смотрит, улыбается и... тихонько вздыхает. О чем? Да мало ли — о чем...

В обиде теперь на Тихоновича только бродячие коты, которые раньше встречали его по дороге с пруда. Вся рыбка теперь уходит на угощение вот этому, со шрамами на мордашке, коту.

Случается им проходить и мимо шахты. Тогда Тихонович с тоской поглядывает на вертящиеся колеса копра, которые подтверждают, что она все-таки еще живет и, как прежде, трудится, шахта-кормилица. А Заба с интересом присматривается к стайке бродящих у столовой кошек и всегда пытается что-то вспомнить. Но, так и не вспомнив, проходит мимо.

